

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

Кукловод

книга четвёртая

Капер

Константин Георгиевич Калбазов

Кукловод. Капер

Серия «Кукловод», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21183258

Кукловод. Книга 4. Капер : [фантастический роман] / Константин

Калбазов: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-90760-1

Аннотация

Приключения Кукловода продолжаются!

Сергей Шейранов, наш современник, обладающий умением подсаждать свое сознание в мозг других людей, по-прежнему участвует в суперпопулярном реалити-шоу, зрители которого могут наблюдать за кровавыми битвами прошлого глазами их непосредственных участников. На этот раз Кукловод подселился в пирата семнадцатого века. В те далекие времена на островах Карибского моря не было богатых туристов, а золото и драгоценности большинству их обитателей только снились. Никакой романтики, никаких белых парусов и благородных капитанов – только всепоглощающая алчность, дешевое пойло и готовность в любой момент до смерти замучить человека за пару серебряных монет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	42
Глава 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Константин Калбазов

Кукловод. Капер

© Калбазов К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Барбадос

Мерное, умиротворяющее покачивание, легкий плеск воды о борт корабля. Вернее, о скулы его носа. Потому что он сейчас лежит на нижней палубе в кокпите. Самое поганое, неудобное и сырое место по определению должно было достаться именно им. Впрочем, если бы не они, то здесь непременно расположилась бы команда купца. Но тот уже слишком давно занимается особым видом приработка, а потому команде повезло, и они расположились подальше от носа.

Правда, преимущества команды выглядят как-то уж очень сомнительно. Живой груз «Лотоса» источает столь неприятные и крепкие ароматы, что они проникают даже сквозь на совесть проконопаченную переборку. А ведь в самом начале путешествия все было намного хуже. Из отсека с «живым товаром» шибало таким смрадом, что казалось, его можно ощутить физически.

Однако Патрику удалось убедить капитана время от времени производить помывку «пассажиров» и их обиталища. Добиться доступа к корабельной аптечке и помочь страдающим от болезней. Убедить своих товарищей по несчастью хоть как-то сохранить человеческий облик. Конечно, максимум, что они могли, это регулярная приборка отсека, став-

шего их временным пристанищем. И какой бы это ни было малостью, результат все же был налицо. За время океанского перехода не умер ни один из пленников.

Их было ровно пятьдесят человек. Все ирландцы, приговоренные к десяти годам каторжных работ на плантациях в Вест-Индии. На тех самых плантациях, где белые рабы выдерживают едва ли пять лет. Отчего рабы? А кто они еще? Каторжане? Рабы и есть. И обращаются с ними соответственно. Хозяин может делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится.

Шейранов никогда не задумывался над проблемами рабства, считая, что это был удел чернокожих. Нет, он, конечно же, читал «Одиссею капитана Блада». А кто не читал? Но ведь там говорилось о том, что в рабство продали осужденных бунтовщиков, приговоренных к смертной казни. Вот только оказывается, что Рафаэль Сабатини слегка лукавил, если не сказать больше. Впрочем, чему тут удивляться, не мог же англичанин написать о том, что его родина повинна в самом настоящем геноциде. Причем джентльмены проделывали это не только с туземцами в колониях, но и со своими давними подданными и соседями.

Впрочем, Ирландия для англичан всегда была всего лишь колонией. А потому и к жителям этого острова отношение было ничуть не лучше, чем к африканским дикарям. Ирландцев хватали прямо на улицах, вытаскивали из собственных постелей и выносили им суровые приговоры по са-

мым что ни на есть надуманным обвинением. Согласно большинству из них, осужденные отправлялись в колонии, где ощущалась постоянная потребность в рабочей силе. Помимо приговоренных по несправедливым обвинениям, чуть не половина поставляемых на рынки Вест-Индии ирландцев – просто похищенные и увезенные в неизвестность.

Кстати, соотношение рабов в английской Вест-Индии пока еще не в пользу чернокожих. Торговля «черным деревом» только-только набирает обороты. Основная масса рабов – это именно ирландцы. Есть, конечно, и англичане, и шотландцы. Но это именно приговоренные за совершенные преступления. Такого разгула беззакония, как в Ирландии, нет нигде. С людьми вообще не считаются. Сначала в дальнее заокеанское путешествие отправляются мужчины, а вслед за ними и их обездоленные жены с детьми. Причем встретиться им не суждено. Разве только по воле случая.

Нет, Сергей Федорович вовсе не считал, что чернокожие более достойны рабства, нежели ирландцы. Это явление вообще вызывало у него острое желание умертвить рабовладельца каким-нибудь изощренным способом. Но не меньшую злость в нем пробуждало и лицемерие общества.

Подумать только, сердобольных европейцев возмущает кровавый русский царь Иван Грозный, за время своего царствования он умудрился казнить более пяти тысяч подданных. А вот о том, что за какие-то десять лет с 1641 по 1652 год население Ирландии стараниями англичан сократилось с

полутора миллионов до шестисот тысяч, никто вспоминать не любит. Причем если свыше пятисот тысяч были убиты или казнены, то более трехсот тысяч продали в рабство, где они умирали медленно и мучительно...

«— Привет. Наконец-то ты вернулся», — окончательно проснувшись, мысленно произнес Патрик.

«— Успел соскучиться?» — с ухмылкой, которая ощущалась даже в беззвучном диалоге, поинтересовался Шейранов.

«— На сегодняшний день ты единственный светлый луч в моем беспросветном будущем. Вот только редко меня посещаешь. Дедушка».

«— Не беда. Главное — не киснуть. Жизнь продолжается. И еще. Я с тобой побуду некоторое время, если ты не против. Что-то мне подсказывает, что тебе может понадобиться моя помощь».

«— Против ли я! Господи, да ты даже не представляешь, как я рад, что ты появился».

«— Вот и замечательно. Я, конечно, дух бесплотный, но у твоего тела есть кое-какие потребности. Так что пошли».

Поднявшись на ноги и гремя цепями, Патрик прошел к отхожей лохани. Н-да. Воняет, конечно, не так, как прежде, но о том, что тут творилось месяц назад, вспоминать не хотелось и вовсе. Он оказался далеко не единственным, кого призвала сюда естественная потребность. Утро как-никак, и после пробуждения народ потянулся оправляться. О том, что-

бы выйти наружу, нечего и мечтать. Если и выпустят, то только двоих, которые будут выносить вот эту зловонную лохань.

Свежий воздух к невольникам поступал только через зарешеченный люк. Господи, хорошо хоть нет шторма и вообще волны. Иначе люк закрыли бы, и тогда, несмотря на понизившуюся снаружи температуру, здесь воцарился бы самый настоящий ад. Мало того что воздух очень скоро становится спертым, так еще и многих из обитателей этого узилища начинает мучить морская болезнь. Да и лохань с нечистотами не выносят, потому что в штормовую погоду возиться с невольниками никто не станет.

– Мартин, в сторону, – положив руку на плечо крепышу лет сорока, произнес высокий широкоплечий гигант с длинными волосами, забранными в хвост. – Патрик, проходи.

Угу. Отношение к доктору среди невольников особое. К медикам вообще во все времена относились с почтением, но в данном конкретном случае это было более чем заслуженно. К примеру, вот этот здоровяк, который внушал уважение, даже несмотря на явно болезненный вид, был обязан Патрику жизнью. Взять Кевина оказалось не таким уж простым делом, хотя его и напоили перед тем, как похитить. Вот и попортили ему шкуру.

А здесь рана начала гноиться, и если бы не своевременное вмешательство доктора, все закончилось бы плачевно.

– Спасибо, Кевин. Но я лучше обожду, не то наш дорогой Мартин напрудит себе в штаны. Вон как прыгает, того и гля-

ди проломит палубу.

– Благодарю вас.

Мартин не стал ждать второго приглашения и поспешил угнездиться на краю лохани. Н-да. Все же плохо, что основа корабельного рациона бобы. Пусть прелые и весьма неаппетитные, да еще и приготовленные, как для свиней, они все одно оставались бобами. И действие на человеческий организм оказывали соответствующее. Патрик-то уже попривык, да и вообще грязи и миазмов в европейских городах было предостаточно. А вот Шейранову пришлось перебороть себя, мысленно повторяя одну и ту же фразу: «Осталось немного, совсем немного».

Оправившись, Патрик отошел в сторону и, привычно заняв дальний от лохани угол, приступил к своим ежедневным обязанностям, которые сам же на себя и возложил. Едва доктор устроился поудобнее, как народ потянулся к нему, в уже давно устоявшейся очередности. Патрик и не думал расслабляться или давать послабления кому-то из невольников. В конце концов, стоит прозевать одного заразного, и в таких условиях можно будет ставить крест даже на себе любимом.

Не в пример начала плавания, осмотр проходил намного быстрее. Тогда на телах невольников было предостаточно гнойников и нарывов от пыточных инструментов, кнутов и кандалов. У некоторых, как, например, у Кевина, это были столь же запущенные ранения. Хватало и тех, кто мучился дизентерией. Однако, к чести доктора, за два месяца, потре-

бывавшихся на переход, ему удалось справиться со всеми напастями. Так что теперь в его задачу входило только не допустить какую-нибудь заразу.

Хотя... По большому счету, теперь это не имело значения. Их цель уже была в пределах видимости. К вечеру корабль бросит якорь в тихой гавани Барбадоса, и их долгий переход наконец завершится. Однако Шейранов предпочел заняться делом. Это отвлекает от общей гнетущей обстановки, к которой он, слава богу, не успел привыкнуть. А то ведь так и свихнуться можно.

После медосмотра последовал завтрак. Все те же ненавистные бобы, с неистребимым привкусом плесени и гнили, пресная лепешка и кружка воды. Как при подобной кормежке удавалось обходиться без дизентерии, решительно непонятно, но факт остается фактом. Команда и сама удивляется, капитан – тоже.

Впрочем, на судне был человек, который точно знал, в чем тут причина. Нет, не Патрик. Шейранов. Все это дело рук начальника службы безопасности съемочной группы и его людей. Усыпить команду, благо в этом деле они поднаторели. Добавить в емкости с питьевой водой кое-какие медицинские препараты. Они же помогли Шейранову в лечении невольников. И результат налицо.

Покончив с завтраком, Патрик сел в углу, опершись о стену, и смежил веки. Разговаривать с товарищами по несчастью желания особого не было. И вообще, не мешало бы

привести мысли в порядок. В конце концов, очень скоро ситуация изменится, и возможно, самым кардинальным образом...

Это началось несколько лет назад. Шейранов тогда был преуспевающим хирургом на Ставрополье и по совместительству занимал должность заместителя главного врача ессентукской городской больницы. Именно тогда-то на него и вышел весьма странный продюсер, снимавший реалити-шоу. Весьма странное реалити-шоу. Хотя бы потому, что оно и впрямь было реальным.

Оказывается, параллельные миры – это вовсе не выдумка, а самая что ни на есть реальность. Каждый слой отстоит от стоящих рядом ровно на год. Исторические процессы и личности в них зачастую идентичны, хотя и имеются отличия в частности. До начала двадцатого века таких отличий, за редким исключением, не так много. То есть частности могут расходиться, но в общем и целом исторические события повторяются из слоя в слой.

Среди людей состоятельных были распространены развлекательные туры в параллельные миры. В основном это любители экстремальной охоты на давно вымерших животных. Хотя хватало и любителей старины. Разумеется, все эти путешествия были строго регламентированы и проходили под строжайшим контролем.

Словом, дорогое удовольствие, которое могут себе позволить очень и очень немногие. Но ведь желание попасть в про-

шлое и посмотреть, как там все было, присутствует почти у всех. И тогда Перегудов, тот самый продюсер, пришел к выводу, что если большинство людей не может оплатить путешествие в параллельный мир, то нужно сделать так, чтобы этот мир пришел к ним.

Он решил снять реалити-шоу, для чего использовал все новейшие разработки ученых. Все просто. Выбирается главный герой, после чего ему и всему его окружению вживляются имплантаты, снимающие видео- и аудиоинформацию. Используются камеры от миниатюрных до замаскированных под животных или птиц. И снимается сама жизнь.

Успех у шоу был просто колоссальным. Тут же нашлись подражатели. И дабы остаться недосыгаемым, Перегудову приходилось постоянно двигаться вперед, все время оставляя позади наступающих на пятки последователей. Причем с каждым разом делать это было все сложнее и сложнее. Ему нужен был рывок. И это было бы возможно в случае, если бы главный герой, вокруг которого и закручивается все шоу, придерживался определенного сюжета.

Использовать для этого актера? Но кто согласится на подобную роль? Ведь там нет и не может быть дублеров. Там все по-настоящему: кровь, боль, грязь, предательство и благородство. Там очень даже натурально можно умереть. Это реалити-шоу, и в нем все реально, от начала и до конца. Это сама жизнь во всех ее проявлениях. А ведь кроме этого необходимо еще и органично вписаться в существующее обще-

ство, чтобы у зрителя не возникло чувство фальши.

Неразрешимая задача? Вовсе нет. Если вспомнить об одном секретном проекте – «Кукловод». Наряду с открытием параллельных миров были выявлены и уникамы среди людей, которые при определенных условиях способны брать под контроль другую личность. Под полный контроль. И при этом в их распоряжении оказывались все знания, способности и навыки подопечного. И главное, при всем при этом кукловод оставался в безопасности, так как в случае гибели носителя его сознание переносилось обратно в свое тело.

То есть кукловоду не нужно играть. Ему не приходится вживаться в то или иное общество, постигать те или иные тонкости. У него все это уже есть. Вернее, не у него, а у его подопечного. Кукловоду остается только следовать сюжетной линии.

Вот этим самым кукловодом и оказался Шейранов. Перегудов совершил незаконное деяние, чтобы снять свое первое с ним совместное шоу. Затем ему удалось легализовать Шейранова, повернув дело таким образом, чтобы Сергей Федорович не представлял интереса для спецслужб и мог использовать свой дар, правда, с серьезными ограничениями.

В возрасте пятидесяти шести лет Шейранов дебютировал в роли молодого офицера Кавказского отдельного корпуса и принял участие в Кавказской войне девятнадцатого столетия. И, чего греха таить, вошел во вкус. В следующий раз он участвовал в научном проекте, выступив в роли офицера

русской армии времен Первой мировой войны. Очередное шоу снималось в слое, где разразилась Третья мировая. Человечество медленно, но неуклонно поднималось с колен. За время шоу Шейранову удалось сделать серьезный задел для возрождения родного города.

И вот теперь – век семнадцатый, и он плывет на невольничьем корабле в заокеанские владения Англии, дабы пополнить ряды белых рабов на плантациях сахарного тростника. Смешно сказать, но Перегудов в этот раз решил разыграть сюжет, весьма похожий на «Одиссею капитана Блада». Этот роман был написан и в его слое и, как во многих слоях, имел колоссальный успех. Впрочем, чему удивляться, если люди везде одинаковы.

Наличие сюжетной линии вовсе не было догмой. По сложившейся традиции первая скрипка тут принадлежала Шейранову. Он сам закладывал те или иные повороты сюжета, руководствуясь собственными взглядами. И пока шоу от этого только выигрывало.

Правда, справедливости ради следует заметить, что снять именно это шоу было весьма проблематично. Дело в том, что неторопливый век, он и есть неторопливый. К примеру, нынешний переход через Атлантику занимает два месяца. А Шейранов, без ущерба для здоровья, мог находиться в искусственной коме максимум полгода. После такой нагрузки ему необходимо было длительное восстановление и реабилитационный период.

Однако на помощь пришел прогресс. Новый имплантат, устанавливаемый носителю, и более продвинутое оборудование серьезно расширили горизонты. Их использование позволяло переносить разум кукловода в тело носителя без изъятия оно и доставки в лабораторию. Причем увеличилось и расстояние, на котором можно было осуществлять уверенный контроль и перенос сознания. Теперь оно составляло две тысячи километров.

Для переноса сознания кукловода в подопечного требовалось только одно условие: тот должен был находиться в состоянии сна. Эвакуация могла производиться в любой момент. И если раньше подобные действия приводили к необратимому повреждению мозга носителя, то сейчас это было совершенно безопасно.

Именно по этой причине Шейранов и не присутствовал в зловонном чреве корабля постоянно, а лишь непродолжительное время, когда в этом действительно возникала необходимость. Только для того, чтобы поддержать образ и своего подопечного, которого уже воспринимал как близкого человека.

Была в характере Шейранова такая особенность. Он привязывался к своим подопечным. А подвергать риску тех, кто тебе близок, неправильно. Именно поэтому в прошлых двух шоу Перегудов подбирал на роль носителей откровенных негодяев, по маковку изгваздавшихся в крови. Людей, к которым у Шейранова не могло возникнуть симпатии по опре-

делению.

Правда, в этот раз он не смог повернуть подобный номер. Уж больно подходящая личность, укладывающаяся в изначальный сюжет, как влитая. Патрик Кларк, бакалавр медицины, служил доктором в английском королевском военно-морском флоте. Ему довелось ходить на фрегате в течение нескольких лет, и два года из них он провел на Карибах.

За время службы, борясь со скукой и будучи человеком любознательным, он изучил навигацию и кораблевождение. Причем настолько овладел этими науками, что мог выдержать экзамен на лейтенанта. Однако, по здравом рассуждении, он отказался от подобной чести. Ему хотелось только одного: заработать некую сумму и, выйдя в отставку, обзавестись собственным домом, семьей и практикой. И в этом плане плавание в заокеанские колонии было едва ли не лучшим из возможных путей.

Так и оказалось. Патрик сумел заработать солидную сумму в пять тысяч фунтов, в основном благодаря удачному abordажу, в ходе которого он отличился, а также тому, что в этом бою капитан их фрегата получил серьезную рану. Многие полагали, что он не протянет и до утра. Вопреки подобному прогнозу, он и по сегодняшний день бороздит моря на своем красавце. Вернее, в настоящий момент фрегат находится в ремонте. Но это уже частности.

Однако мирная жизнь у бакалавра медицины как-то не задалась. Вначале все было просто замечательно, и даже дело

уже шло к свадьбе. Партия не сулила ему богатого приданого, но зато избранница обещала стать достойной спутницей жизни. А что касается денег, то в них у господина Кларка не было нужды. Во-первых, у него все еще оставалась некая сумма из прежних накоплений. А во-вторых, у не лишенного талантов медика очень быстро росла практика. Уже через полгода он зарабатывал больше, чем тратил.

Вот только его планам на спокойную жизнь не суждено было осуществиться. Когда он появился в Уэксфорде, небольшом портовом городке на юге Ирландии, местный доктор встретил его довольно тепло. Ведь Патрик должен был в значительной мере разгрузить прежнего медика. К слову сказать, господин Картер являлся англичанином и рассчитывал на то, что ирландский доктор возьмет на себя заботу об этих Пэдди¹.

Но тот оказался настолько хорош в своем деле, что постепенно начал перехватывать клиентуру господина Картера из числа англичан. В конце концов, когда человек болеет, ему все равно, кто его избавит от страданий, англичанин, ирландец или папуас. Вот только сам Кларк не ко времени позабыл, что является ирландцем. Одно дело, когда он служил на корабле и находился в окружении соратников, которые если и вспоминали о его ирландском происхождении, то исключительно в шутливой манере.

Господин Картер шутить не собирался. Как, впрочем, и

¹ Пэдди – прозвище ирландцев.

судья. Обвинение в пособничестве бунтовщикам, а в бунтах в Ирландии никогда не было недостатка, выглядело нелепо, явно притянута за уши и откровенно шито белыми нитками. Однако разбирательство было недолгим, а приговор суровым. Ох, как же Патрик хотел вернуться обратно и спросить кое с кого должок!

Перегудов вышел на него уже тогда, когда тот находился в тюрьме и ждал суда. Начальнику службы безопасности Зайцеву пришлось извернуться и провести целую спецоперацию. Но ребята справились, и носитель, то есть доктор Кларк, получил набор имплантатов и вскоре сумел встретиться со своим покойным дедом, явившимся к нему в трудный час.

Зайцеву пришлось хорошенько поработать, собирая нужную информацию о главном герое шоу. Причем сделать это в самые кратчайшие сроки. Но он управился. И Шейранов, представая в роли деда Патрика, был уже во всеоружии. Что же касается его подопечного, то обмануть его оказалось нетрудно. А уж как он обрадовался тому обстоятельству, что теперь не одинок, и говорить нечего. Нет, поначалу, конечно же, испугался до колик. Но потом...

– О чем задумался, дружище? – опустившись рядом с ним с неизменным звоном цепей, поинтересовался гигант Кевин.

– Да так. Слышал, как Мартин говорил, что видел землю, когда они выносили нечистоты.

– Вот в чем дело. Да об этом все судачат. Вон, шушукают-

ся не переставая. Некоторые даже косятся на тебя. Ведь это конец пути. Уже завтра будет решаться наша судьба. И чем она обернется для нас, одному Богу известно.

– Пока живешь, нужно надеяться, Кевин. Запомни это и передай остальным. В отличие от вас я точно знаю, что меня на Барбадосе ждет страшная участь. И тем не менее не падаю духом и надеюсь на лучшее.

– Что так?

– Я уже бывал на этом острове.

– Ты рассказывал.

– Угу. И в прошлое посещение меня хорошо запомнили. В особенности один англичанин, плантатор. Понимаешь, господам флотским офицерам не нравится, когда задевают их коллег, даже если этот коллега ирландец. Между мной и этим снобом имела место дуэль. Он просто вынужден был скрестить со мной шпагу.

– И?

– И я допустил оплошность. Моя рука оказалась недостаточно тверда, а он достаточно живуч.

– Думаешь, он захочет заполучить тебя?

– И заполучит. Разве только мне повезет и его не будет на торгах.

– А если потом выкупит?

– Я успел отметиться в Бриджтауне в качестве доктора. Поэтому не думаю, что меня захотят продать. Практикующий хороший доктор принесет более ощутимую пользу, чем

раб на плантации. А я, смею заметить, хороший доктор.

— Значит, у тебя все не так безнадежно, — хлопнув Патрика по плечу, заключил Кевин.

— В теории — да. А на практике... Понимаешь, даже если эта свинья не купит меня, он всегда может меня просто прикончить. Мы ведь не имеем никаких прав. Ну разве только потом выплатит моему хозяину компенсацию за убитого раба. Но признаться, я бы предпочел больше этот вариант, чем стать его законной собственностью. Правда, я даже не представляю, насколько мне должно повезти, чтобы этот ублюдок не оказался на торгах. Плантации испытывают постоянную потребность в рабах, так что плантаторы не пропускают ни одного аукциона.

Корабль вошел в гавань Барбадоса к вечеру этого дня. Устраивать аукцион было уже поздно. Однако капитан предпринял меры для того, чтобы известить плантаторов о предстоящих завтра торгах. Конечно, сделал он это не сам, а лишь уплатил некоторую сумму распорядителю, который и должен был все организовать в лучшем виде.

Корабли в Карлайлской бухте, на берегу которой раскинулся город вполне европейской постройки со звучным названием Бриджтаун, вовсе не были редкостью. Остров вел весьма активную торговлю как с другими колониями, так и с метрополией. Поэтому практически не случалось дня, чтобы сюда не прибывали суда. Причем нередко и по несколько в день.

Так что прибытие очередного корабля не было каким-нибудь особым событием. Разве только в сезон штормов, когда моряки предпочитают лишний раз не выходить в море. В это время торговля на острове велась не особо активно, и плантаторы не проявляли особого интереса к прибывающим судам. Если, конечно, не ожидали какой-то конкретный корабль. И потом, далеко не все плантации находились поблизости от моря и Карлайлской бухты, в частности. Хватало хозяйств и в глубине острова. Поэтому и существовала необходимость в оповещении.

Утро для невольников, как всегда, началось с посещения отхожей лохани. Но на этом все привычное и закончилось. Кормить их никто не стал, разве только дали по кружке воды. После чего погнали на берег и вскоре доставили к деревянному помосту, на котором и проводились торги.

Аукцион начался примерно через два часа пребывания невольников под палящими лучами тропического солнца. Впрочем, Патрик не особо обращал внимание на все сильнее наваливающую жару. В конце концов, ему к ней не привыкать. А вот вдохнуть полной грудью чистый воздух было откровенно приятно. Конечно, чистота воздуха была довольно относительная. Площадка аукциона находилась здесь же в порту, а потому в воздухе хватало самых разнообразных запахов, весьма далеких от благовоний. И все же это не шло ни в какое сравнение с миазмами трюма.

Впрочем, просто наслаждаться солнцем и относительно

чистым воздухом у него не получалось. Перед началом торгов их всех выстроили в две шеренги друг напротив друга, и перед ними прохаживались либо сами плантаторы, либо их старшие надсмотрщики. Они самым внимательным образом осматривали товар. Кто же станет торговаться за кота в мешке.

Осматривали их, как скотину, иначе и не скажешь. Заглядывали в рот, проверяя состояние зубов. Ощупывали тело, пытаясь определить, насколько крепки или, наоборот, дряблы мышцы. Словом, именно как скотину, в поисках изъянов или отсутствия таковых.

Патрик заметил давнего врага, как только тот появился у дальнего конца шеренги. Генри Джонсон предпочитал выбирать рабов лично, доверяя надсмотрщикам только доставку его новой собственности домой. Плантатор двигался не спеша, с некой ленцой и эдакой вальяжностью. Он мог себе это позволить, будучи владельцем одной из крупнейших плантаций острова. Впрочем, будь у него даже мелкое хозяйство, вряд ли это могло на что-то повлиять. Уж чем-чем, а отсутствием самолюбия этот тип тридцати пяти лет от роду не страдал.

Джонсон прошел мимо худощавого мужчины среднего роста, лишь мельком скользнув по нему взглядом. Он просто не узнал в заросшем и чумазом рабе своего обидчика. Впрочем, мог ли он даже предположить, что тот окажется в подобном положении. Да, доктор, но, тем не менее, на корабле

он приравнивался к офицерскому чину.

Патрик уже перевел с облегчением дух, посчитав, что удача ему улыбнулась, когда плантатор, отошедший на несколько ярдов, вдруг замер. Вальяжность слетела с него в мгновение ока. Он медленно обернулся и приблизился к Патрику, внимательно всматриваясь в его лицо. Было явственно видно, что он не в силах поверить в происходящее.

– Эй, ты! Да, ты. Ты из команды «Лотоса»?

– Точно так, ваша милость, боцман с «Лотоса», – тут же отозвался дюжий молодец с повязанным на голове платком.

– Скажи-ка, дружище, как имя этого раба? – с показным безразличием и явственно угадывающейся надеждой поинтересовался Джонсон.

– Этого?

– Именно.

– Его зовут Патрик Кларк, ваша милость.

– Ты даже не заглянешь в списки? – спросил Джонсон, с трудом скрывая ликование.

– Мне это ни к чему. Благодаря стараниям этого осужденного нам удалось доставить сюда весь товар без потерь.

– Даже так.

– Истинно так, ваша милость.

– Ладно.

Плантатор отвернулся и пошел дальше, осматривая приглянувшихся ему рабов. Впрочем, прежде чем отвести свой взгляд от Патрика, господин Джонсон слегка подмигнул ему.

Многообещающе так подмигнул. Патрик прекрасно знал, насколько жесток этот человек. Ведь именно его жестокость, вкупе с ненавистью к ирландцам, и стали причиной их поединка.

– Господа, представляю вам этого гиганта. Обратите внимание на его крепкое тело. Даже после длительного и утомительного путешествия через океан он все еще могуч, как дуб.

Распорядитель торгов заставил Кевина обернуться, показывая товар со всех сторон. В этом не было необходимости. Стоящие перед помостом уже успели не только его рассмотреть, но и ощупать своими руками. Если большинство проходило мимо Патрика, даже не глядя в его сторону, то Кевина, пожалуй, не пропустил ни один из покупателей.

– Итак, господа, начальная цена за этот великолепный экземпляр всего лишь двадцать фунтов.

– Двадцать фунтов, – тут же подтвердил ставку один из плантаторов.

– Двадцать один фунт, – послышался голос другого.

– Двадцать пять фунтов, – с ленцой произнес Джонсон.

– Двадцать шесть, – вновь повысил ставку второй покупатель.

Джонсон посмотрел на своего соперника, слегка вздернув бровь, выражая удивление тем обстоятельством, что кто-то собирается перебить его цену. Похоже, он находил это даже забавным. Поэтому начал понемногу набавлять: какое-никакое, а все же развлечение. С другой стороны, Кевин стоил

подобной борьбы. Она закончилась на сорока фунтах, безоговорочной победой Джонсона.

Вообще-то за такую цену можно было купить крепкого чернокожего раба, которых отличала куда большая выносливость в этом жарком климате. Но Кевин выглядел весьма внушительно. Рост под два метра, широкие плечи, сильные руки, большие кисти, походящие на небольшую лопатку. Будь он чернокожим, и сорок фунтов была бы только начальная ставка.

Далее торги пошли своим чередом. В первую очередь на продажу выставляли людей более солидной комплекции. Но чем дальше, тем мельче становился «товар». Впрочем, если судить по выражению физиономии капитана, тот был явно доволен ходом торгов. Что и говорить, заботясь об их здоровье, Патрик поспособствовал тому, чтобы невольники выглядели не такими уж замухрышками. Поэтому капитан мог показать «товар», как говорится, лицом.

– Итак, господа, представляю вашему вниманию следующий экземпляр. Не смотрите, что он тощ и не столь уж высок ростом. Уверяю вас, у него крепкие жилы и он весьма вынослив. Начальная ставка десять фунтов.

– Девять фунтов, – выкрикнул какой-то шутник из числа покупателей, с нескрываемым весельем понижая ставку.

Патрика едва не затрясло от охватившей его ярости. Нет, его бесило вовсе не то, что он оказался чуть не последним в ряду. И не предельно низкая цена, запрошенная за него.

Не выходка скучающего плантатора. Его бесила сама ситуация. Его продавали в рабство, словно какую-то скотину! С грустью и сожалением Шейранов задвинул Кларка в глубину сознания, чтобы тот не учудил чего сгоряча. В конце концов, в настоящий момент он никак не мог повлиять на ситуацию. Разве только усугубить ее.

– Господа, не следует подтрунивать над моряками, – вдруг подал голос господин Джонсон. – Только из уважения к вашему тяжкому труду, капитан. Десять фунтов.

– Пятнадцать фунтов, – вдруг раздался задорный женский голос.

Признаться, Патрик сильно удивился данному обстоятельству. Он, конечно, не мог видеть покупателей, так как находился позади помоста. Но он мог поручиться, что ни одна из женщин в торгах не участвовала. Разумеется, она могла явиться со своим старшим надсмотрщиком или управляющим, и скорее всего, именно так и было. Но для Патрика это не имело значения. Он сначала узнал голос, а потом увидел и его обладательницу. Никакой ошибки. Это была она. Не ОНА. Но все же. Все же.

Прошрое его пребывание на острове было просто насыщено событиями. И как только он мог об этом позабыть! Вдову Джейн Атчесон на Барбадосе уважали, она принадлежала к числу крупнейших плантаторов острова. Хотя при этом островитяне не забывали перемывать ей косточки, называя веселой вдовой. Скорее всего это было связано с тем, что ни

один из местных не мог похвастать тем, что побывал в ее спальне. Чего не скажешь о заезжих мужчинах.

Все так, Джейн и Патрик были любовниками. Пусть связь их была и недолгой, зато весьма бурной. И эта женщина была единственной его надеждой. Нет, она не потеряла голову от любви к судовому хирургу, хотя он и был хорош собой. Патрик надеялся на другое чувство. Он прекрасно помнил, как Джейн оказалась в его объятиях... Хм. Впрочем, скорее уж наоборот. Он оказался в ее объятиях. Да. Так будет куда точнее. Произошло это после той памятной дуэли. И причина таилась в яростном соперничестве между господином Джонсоном и госпожой Атчесон. И коль скоро она начала торговаться...

– О-о. Миссис Джейн. Мое почтение, – с напускной учтивостью поздоровался Джонсон.

– Мистер Генри, – кокетливо стрельнув глазками, мило улыбнулась вдова.

– Я вижу, вам приглянулся этот раб.

– Вы ведь уступите даме, не так ли, мистер Генри?

– Сожалею, миссис Джейн. Если бы вы назвали цену первой, то я несомненно уступил бы вам пальму первенства.

Народ заволновался, явно почувствовав грядущую потеху. Что делать, жизнь на острове достаточно скучна и однообразна. А Патрик невольно воспрянул духом. Настроение толпы говорило о том, что так просто это дело не закончится, а значит, у него появилась надежда.

– Извините, но я уже сказал свое слово, и теперь от него не отступлюсь, – продолжал между тем господин Джонсон. – Однако правила приличия не позволяют мне быть неучтивым с дамой. И коль скоро я не могу уступить вам этого, то с радостью подарю любого другого. Шестнадцать фунтов. И покончим с этим.

– Вы очень любезны, сударь. В таком случае не могли бы вы подарить мне вот этого? – Она капризно указала пальчиком на Патрика.

– Миссис Джейн, я же сказал, вы можете выбрать любого другого.

– Да, да, конечно. Простите, я как-то не сообразила. Двадцать фунтов, любезнейший.

– Что это значит?

– Вы пообещали мне любого из своих рабов. Однако упорно не желаете отдать мне этого.

– Полноте. К чему вам этот мешок с костями? Двадцать пять фунтов.

– Об-божаю погреметь костями. Пятьдесят фунтов.

– Шестьдесят фунтов, – не сдавался Джонсон.

– Вы ведь не отступитесь, да, мистер Генри?

– Проверьте.

– Как я вас понимаю. Ради честного словца, и так далее, и тому подобное. Сто пятьдесят фунтов.

– Двести фунтов, – зло взглянув исподлобья на издевающуюся над ним женщину, бросил Джонсон.

– Ах нет. Для меня это уж слишком. Он ваш. Я полагаю, что теперь вы мне не подарите своего раба?

Все же отступилась. Впрочем, могло ли быть иначе? Своему давнему сопернику она уже насолила. Дальнейшая торговля была бессмысленна, и она это четко почувствовала. Джонсон уступил бы ей, а потом воспользовался бы каким-нибудь подходящим случаем и убил бы этого лекаря, выплатив ей убытки. Причем в этом случае была бы выплачена средняя цена, а не столь безбожно завышенная их взаимными амбициями. Конечно, это не то, что владеть своим обидчиком и выдавливать из него жизнь по капле. Но вполне приемлемо.

– Сожалею, но вы упустили свой шанс, – пожав плечами, подтвердил ее опасения Джонсон.

– Какая жалость! А то я присмотрела вот этого верзилу. Но нет, так нет, – явно потеряв интерес к происходящему и окинув Патрика лукавым взглядом, подытожила Джейн.

«Н-да. Весело, нечего сказать. И какая его теперь ожидает участь?» Шейранов с тоской наблюдал за тем, как трясется от страха его носитель. Кларк в общем-то был не трусливого десятка. Но ситуация, когда он оказался в роли подневольного и бесправного раба, да еще и в полной власти жестокого врага, Сергея Федоровича откровенно пугала. О крутом нраве Джонсона на Барбадосе знали все, без исключения. А ведь среди плантаторов очень даже процветали весьма изощренные истязания. Ну, чисто святая инквизиция, которую так

любят поносить англичане. Впрочем, и католическую церковь в целом — тоже.

Может, стоит Перегудову наконец вмешаться? Шейранов пробубнил свои опасения так, чтобы не быть услышанным окружающими. Никакой реакции. Продюсер хранил молчание. А в том, что Антон находится в операторской, Шейранов не сомневался ни секунды. Как, впрочем, и в том, что группа быстрого реагирования где-то неподалеку.

Ну не могли они его не страховать, ведь шоу только начинается. Было приложено немало сил для того, чтобы заполучить этого Патрика. И наконец, самое главное. Этот человек — не убийца, не кровожадный зверь, а нормальный в общем-то среднестатистический мужчина своего времени. Перегудов не мог не понимать, что если он вот так за здорово живешь спустит в унитаз Патрика, то реакция Шейранова будет однозначной. Он просто пошлет все, и Перегудова в том числе, к нехорошей маме.

И все же продюсер хранил молчание. Сергей Федорович еще несколько раз вызывал операторскую, пока его и еще пару десятков рабов вели к усадьбе Джонсона, находившейся в шести милях к северо-западу от Бриджтауна. Их сопровождали трое надсмотрщиков, помимо плеток, вооруженных ружьями и пистолетами. Совсем не лишняя предосторожность с пока еще не прошедшими обработку рабами.

Сам хозяин отправился вперед верхом. Его сопровождали два чернокожих раба с абордажными саблями на поясе. Здо-

ровые лоси, коль скоро с легкостью держались слегка позади за скачущей рысью лошадью. Джонсон одарил напоследок Патрика таким ненавидящим и многообещающим взглядом, что у того похолодело в груди. Вот только поделаться с этим он пока ничего не мог. Или не мог вообще?

Дом Джонсона был выстроен в колониальном стиле, в два этажа, с крытой верандой и колоннами по фасаду. Выкрашен в белый цвет, с красной черепичной крышей. Вкупе с аккуратными аллеями, стриженными вечнозелеными кустарниками и газонами, с изредка возвышающимися деревьями, среди которых преобладали пальмы, и व्यюном, оплетавшим половину дома... Картинка. Здесь кто-то явно приложил старательную руку. Впрочем, стоит ли гадать? Все вопросы в отношении дома лежат на плечах хозяйки. И она прекрасно с этим справляется.

Чуть в стороне от дома стоит сравнительно небольшой флигель, предназначенный для домашних рабов. С прислугой на Барбадосе как-то не очень. Вместо нее используют обученных рабов, которые держатся за свои места пуще, чем утопающий за соломинку. Никому не хочется оказаться на полевых работах.

А вот поселок рабов располагался на довольно значительном удалении от господской усадьбы, за высоким частоколом. Слева от ворот расположены загоны для рабочей скотины, сараи для инвентаря и кузня. Справа тянутся два ряда плетенных из прутьев хижин рабов. Напротив – два доволь-

но аккуратных домика. В том, что поменьше, обитает старший надсмотрщик, англичанин из каторжан. Во втором – простые надсмотрщики. Телохранители проживают на территории усадьбы.

У ворот стоит вышка, на которой дежурит караульный. Кстати, чернокожий, так же как двое из троих, сопровождавших новичков. Негров тут вообще принято ставить на должности надсмотрщиков. Во-первых, они все без исключения воины. Во-вторых, ненавидят белых. Учитывая то, что основная масса рабов здесь ирландцы, смешанные с небольшим количеством осужденных англичан и шотландцев, ставить чернокожих рабов на должности надсмотрщиков не такая уж плохая идея. Тем более что сбежать они отсюда не могут. Остров же. Причем не такой уж большой. А так у надсмотрщиков вполне приличное положение.

Как ни странно, по двору бегала ребятня. Десятка четыре разношерстной малышни, от четырех до семи лет. Большая часть из них была мулатами. Вот как тут все кучеряво! Патрику раньше не доводилось бывать в поселках рабов, хотя он и слышал, что рабовладельцы поощряют рождение детей, а многие так и вовсе приобщают к этому делу девочек, едва достигших половой зрелости. Причем в основном «женским материалом» служат ирландки.

Джонсон встречал новичков в центре поселка, у вкопанного в землю столба. О его назначении нечего было и гадать. Он предназначался для экзекуций. Таковые имелись во

всех рабских поселках. Также неизменным атрибутом любого поселка являлась пыточная. Но она располагалась в кузнице, поскольку у нее было совершенно иное предназначение. Здесь именно пытали, выбивая необходимые сведения. А то как же, бунты среди рабов дело нередкое, и нужно держать руку на пульсе.

– Итак, ирландские свиньи, с этого момента вы моя собственность и дышите только потому, что вам это позволяю я. А я ценю три вещи: покорность, покорность и еще раз покорность. Работайте со всем прилежанием – и будете жить долго. Будете препираться, показывать норов, бездельничать – познакомитесь с моим гневом. Кто-то из вас может подумать, что коль скоро я заплатил за вас немалые деньги, а самый дешевый из вас обошелся мне в пятнадцать фунтов, то я стану относиться к вам бережно. И по-своему вы, конечно же, правы. Вы такая же моя собственность, как лошадь или бык, а хороший хозяин заботится о своем имуществе. Но, к величайшему сожалению, вы отличаетесь от бессловесных тварей, ибо обладаете разумом. Конечно, это утверждение спорное, но все же имеет право на существование. А посему хочу, чтобы вы сразу поняли: мне плевать на деньги, если я не получаю покорность. Возьмите его и подвесьте.

Джонсон с ленцой указал на Кевина, обошедшегося ему дороже всех остальных рабов. Как понимал Патрик, он сам у мистера Генри был на особом счету. Цепи с них не снимали, разве только прямо на корабле сбили ножные кандалы. Пе-

рековывать же рабов прямо на пристани никому не хотелось. Поэтому, забирая раба, надсмотрщик отдавал взамен другие кандалы, специально принесенные для этой цели.

Кевина подвели к столбу и, привязав веревку прямо к цепям, подтянули здоровяка на вытянутых руках так, что он едва касался земли кончиками пальцев. После этого старший надсмотрщик Джеймс распустил кольца довольно длинного кнута и вопросительно посмотрел на хозяина. Тот не спеша закурил трубку, после чего молча подал знак к началу экзекуции.

Кнут со свистом полосовал воздух и хлестко ударял по живой плоти. Кевин был сильным мужчиной и стойчески выдержал десять ударов, после чего мужество его покинуло. Он извивался, кричал и, трясаясь всем телом, ожидал очередного удара, которые сыпались на него через неравные промежутки времени. Джеймс знал толк в подобных делах и мог довести человека до иступления. Если только тот не проваливался в спасительное забытие. Как Кевин после двадцатого удара.

Не повезло бедолаге. Его тут же облили водой, сунули под нос что-то с резким запахом, окончательно привели в себя. Наказываемый должен был прочувствовать все прелести экзекуции от начала и до конца. И она продолжилась. Всего Кевину досталось пятьдесят ударов. При этом его еще дважды приводили в себя. Но и на этом его мучения не закончились, потому что несчастного оставили висеть на солнце-пече до вечера, как яркое напоминание всем, что их жизни

отныне ничего не стоят.

После окончания экзекуции всех погнали к кузнице, где с них сбили кандалы, а затем увели показывать места их обитания. Однако все это не касалось Патрика, с которого даже не подумали снимать цепи. Ничего удивительного, ведь его покупали вовсе не для того, чтобы выводить на полевые работы.

Впрочем, и для урока остальным он также не годился. Он был личным трофеем хозяина, и тот не собирался ни с кем делиться удовольствием отмщения за дерзость этой ирландской свиньи. А еще ему не хотелось устраивать разбирательства при посторонних. Джонсон приказал подвесить Кларка в кузнице за кандалы на крюк так, чтобы он самую малость не доставал до земли, ибо это мучительнее всего. Затем мистер Генри велел чернокожим телохранителям и кузнецу, рабу-ирландцу, оставить их одних.

– Признайся, ирландская свинья, ты ведь решил, что сам послужишь примером для остальных. Ну, чего же ты молчишь? Я ведь помню, насколько бойкий у тебя язык. Или ты все еще надеешься, что я тебя не узнал?

– Глупо было бы на это надеяться после того, как ты с таким упорством торговался за право обладания моей шкурой.

– Умница. Только говори мне «вы» и называй господином. А лучше хозяином.

– Мне от этого будет легче?

– Хм. Дай-ка я подумаю. – Джонсон изобразил глубо-

кую задумчивость, а потом вдруг просиял, словно совершил некое долгожданное открытие: – Нет. Тебе от этого легче не будет.

– Ну и какой тогда мне смысл лебезить перед тобой?

– Ты прав. Никакого. Но это не имеет значения. Даю тебе слово, что уже через десять дней ты превратишься в покорную собачонку и будешь вилять хвостиком при виде своего хозяина, то есть меня. И поверь, то обстоятельство, что у тебя нет хвоста, тебе не поможет.

– Верю, – изобразив пожатие плечами, просто ответил Патрик. – Сломать можно любого.

– Во-от. Радует, что ты это понимаешь. Это просто замечательно. Из тебя получится отличная и преданная шавка.

– Но есть исключения, – поспешил остудить довольного плантатора Патрик. – К примеру, я предпочту сдохнуть вместо того, чтобы превращаться в тряпку. Как тебе перспектива ломать труп, английская собака? Ну чего ты так на меня вылупился?

Джонсон сначала дернулся в сторону висевшего на крюке невольника, но потом остановился и, окинув его спокойным взглядом, погрозил ему пальцем.

– У тебя ничего не получится, грязный ирлашка. Ты не первый и не последний раб, которого я приведу к покорности. Десять дней. И сегодняшний не предусматривает никаких пыток. Ты будешь так висеть ровно два часа, после чего тебя снимут. Мы ведь не хотим, чтобы с твоими руками

случилось что-то необратимое. Как видишь, я неплохо разбираюсь в анатомии. Хочешь, я поведаю тебе хотя бы часть того, что тебя ожидает.

– Вижу, что тебя буквально распирает от подобного желания, а потому бессмысленно отказывать тебе в этом удовольствии.

– Благодарю, ты очень любезен. Так вот, для начала тебя обольют патокой и привяжут к столбу. Ты не представляешь, до какого иступления могут довести насекомые своими мелкими лапками и хоботками. Это просто ужас какой-то. Взрослые и крепкие мужчины плачут, как дети. Кстати, слышишь? Это воет тот самый здоровяк. К нему в гости пожаловали местные мухи. Очень скоро они отложат на его шкуру мириады яиц...

Джонсон продолжал живописать, вальяжно прохаживаясь по кузнице, перебирая кузнечные инструменты и попутно раскрывая возможность их двойного предназначения. Показывал и орудия, специально предназначенные только для пыток. Надо признать, рассказчиком он был хорошим, настолько живо у него получались все описания. А еще это говорило о несомненном опыте в данном вопросе.

Впрочем, Патрик его почти не слушал. Вернее, не он, а Шейранов. Конечно, умом он понимал, что Перегудов его как-то вытащит, и если все еще ничего не предпринял, то ждет, не сможет ли он сам что-либо предпринять. Нет, продюсер не маньяк. Он человек, искренне и без остатка пре-

данный своему делу. И это шоу – его детище, ради которого он готов на многое. Кстати, когда состоялось их знакомство, привлекая в свой проект кукловода, Антон рисковал пожизненным заключением.

К черту Антона! Когда он вмешается, Патрик уже успеет пережить кое-какие неприятные моменты. А это крайне нежелательно. Конечно, Шейранов может отстраниться от боли и весело посвистывать, даже если его будут пытаться раскаленным железом. Вот только при этом вся гамма страданий достанется Патрику, который не сможет повторить этот трюк. И потом, должен же дедушка позаботиться о своем отпрыске. Еще несколько минут – руки потеряют чувствительность и станут ни на что не годными.

Дождавшись момента, когда Джонсон отвернулся, чтобы взять со стеллажа очередной инструмент, Патрик резко подтянулся на руках, буквально выбросив свое тело вверх. Потом толкнул вперед и вверх скованные руки. Цепь кандалов соскочила с крюка, и освободившийся пленник приземлился на земляной пол кузницы.

Мгновение, и правая рука скользнула ко шву штанов, в котором уютно скрывалась спица из упругой стали. Пальцы ухватили стальную бусинку и за нее потянули спицу наружу. До плантатора всего лишь пара шагов. Чтобы нанести удар, достаточно сделать и один. Он уверенно выбросил руку с зажатой спицей вперед, метя в сердце. Патрик был хорошим фехтовальщиком, а Сергей Федорович отличным хи-

ругом...

Джонсон отчетливо слышал непонятные звуки и звон цепей. Как расслышал и приземление Патрика. Мысль о неправильности происходящего прострелила его сознание, и он резко обернулся к пленнику. Его подвело то, что, зная все о находящихся здесь орудиях пыток, сам он ими никогда не пользовался. Поэтому, увидев обретшего относительную свободу пленника, плантатор выронил один из пыточных крюков, вместо того чтобы использовать его в качестве оружия, и потянул из ножен шпагу.

Поздно. Его сердце буквально взорвалось от резкой боли, а дыхание невольно зашло. Стальное жало какое-то время еще поворочалось внутри, вызывая очередные спазмы боли, и, наконец, покинуло тело. Вот только боль так никуда и не делась. А еще не было никакой возможности вздохнуть. И кричать он также не мог. Снедаемый невыносимой болью, он с недоумением смотрел на своего врага, рука которого на этот раз была необычайно точной. Потом он завалился на бок со все так же широко раскрытыми глазами.

Дело сделано. Патрик быстро отбросил спицу в дальний угол кузницы. Бог даст, потом разыщет. А сейчас возвращать ее на место нет времени, потому как дело это непростое и кропотливое. Подойдя к крюку, он встал к нему спиной и, подняв руки, подпрыгнул вверх и назад. Ч-черт, как больно! Ощущение такое, что ему едва не оторвало кисти рук. Взгляд на них. Так и есть, рассадил в кровь. Ну хотя бы вены целы,

и то радуєт.

Глава 2

Раб

– Нет. Нет! Отпусти! Скотина!

В ответ на крик, граничащий с истерикой, раздался только издевательский хохот, поддержанный еще парой голосов.

– Да не сопротивляйся ты, Лиз. Все одно эта обезьяна получит свое. А так ты их только подзадориваешь, – раздался усталый и равнодушный женский голос.

Когда Патрик вышел из-за стены тростника, то увидел недвусмысленную картину. Один из негров-надсмотрщиков, задрав подол платья, пристроился сзади к рабыне-ирландке. Женщина была немолода, хотя вот так с ходу определить ее возраст было не так уж и просто. Изнурительный труд на плантации уже наложил на нее свой неизгладимый след. Вторая была явно молодой, с крепким загорелым телом, которому еще очень далеко до дряблости. И если вспомнить о лишениях, которым подвергаются рабы, можно было безошибочно определить, что появилась она на Барбадосе недавно.

Именно ее возмущенный голос и слышал Патрик. А вызван он был недвусмысленным домогательством чернокожего надсмотрщика. Подобная практика поощрялась плантаторами, и надсмотрщики могли взять любую белую рабыню без отрыва, так сказать, от производства. Нередко во время ра-

боты женщин заставляли полностью обнажаться, чтобы лишний раз подчеркнуть их бесправное существование. Ну а тут уж какой кобель вытерпит.

Правда, в случае с этой девушкой, скорее всего, причина заключалась в том, что она еще не успела наскучить или приесться. Двое надсмотрщиков смотрят именно на нее, не обращая внимания на ее товарку, покорно ожидающую, когда насильник закончит свое дело. Как, впрочем, и на других женщин, которых тут было около десятка.

Хм. Пожалуй, тут дело еще и в том, что молодая сопротивляется. Так ведь куда веселее получается. И кстати, об этом же говорила более опытная старшая подруга по несчастью. Как, впрочем, на это же указывает и скученность надсмотрщиков на одном поле. Ведь здесь достаточно и одного, а их собралось четверо.

– Эй ты, обезьяна! Отпусти ее! – не выдержав, резко потребовал Патрик.

– Иди своей дорогой, доктор, – обернувшись к нему, отмахнулся самый здоровый из негров, который как раз и помогался девушке.

Вообще-то, будь на месте Патрика какой другой раб, он пожалел бы о том, что открыл рот. Сразу, без вступительных аккордов. Однако к доктору отношение было особым. Во-первых, присутствовал суеверный страх. Вон, хозяин решил потешиться над новым рабом и тут же скончался от сердечного приступа. Во-вторых, стараниями доктора один из но-

вых рабов, Кевин, встал на ноги с поразительной быстротой. Док помогал излечиться и другим захворавшим рабам. А ведь надсмотрщик тоже мог заболеть. Ну, и в-третьих, Патрик по статусу был если не выше их, то вровень со старшим надсмотрщиком.

К примеру, сейчас Кларк возвращался из леса, где занимался сбором лекарственных трав. А еще в определенных пределах он имел право свободного перемещения по острову. Правда, он обязан был озвучивать свой маршрут старшему надсмотрщику или управляющему. Ну и иметь основания для того, чтобы покинуть пределы поселка рабов. Как, впрочем, и бумагу с соответствующим разрешением, иначе мог быть схваченным любым свободным жителем острова. А то и еще что-нибудь похуже.

Кстати, помимо всего прочего, он жил в отдельной хижине, плетеные стены которой, в отличие от остальных, были обильно обмазаны саманом и выбелены как снаружи, так и изнутри. Почти настоящий дом. К тому же вместо циновок, сплетенных из тех же листьев сахарного тростника, у него имелась какая-никакая мебель. Грубо сколоченная кровать, стол, стул, на стенах несколько полок. Там же, в хижине, была оборудована скромная лаборатория, где он занимался изготовлением лекарств.

И еще одна немаловажная деталь. Он выгодно отличался от остальных рабов своим гардеробом. Потому что имел не какое-то там хлопчатобумажное рванье, а самый настоя-

щий костюм. Сильно заношенный, с множественными следами штопки, и все же это была настоящая одежда, чего не было даже у простых надсмотрщиков. Госпожа Джонсон посчитала, что доктор, одетый в рубище и оказывающий помощь практически от ее имени, не делает ей чести.

Признаться, Патрик рассчитывал на то, что смерть мистера Джонсона не свяжут с ним. Но он даже не предполагал, насколько легко это ему сойдет с рук. Хозяйка не стала долго разбираться в сути проблемы. Коль скоро приглашенный из Бриджтауна доктор констатировал сердечный приступ, так тому и быть.

Истязать же раба только за то, что тот некогда ранил ее мужа в честном поединке, а потом оказался рядом, когда с тем случилось несчастье, она и не думала. К тому же, учитывая среднюю цену белых рабов, которая составляла семнадцать фунтов, конкретно этот стоил их плантации почти двенадцати голов.

Вообще-то Патрик был склонен полагать, что между миссис Анной Джонсон и ее супругом никогда не было любви. А учитывая его характер, скорее совсем даже наоборот. Иначе эту решительную женщину не остановила бы такая малость, как потеря кругленькой суммы.

Будучи рачительной хозяйкой, она тут же взялась наводить на плантации собственные порядки. И доктора, коль скоро таковой оказался в ее распоряжении, она собиралась использовать наиболее выгодным образом. Причем это во-

все не работа на плантации, с чем справится любой дикарь.
– Обезьяна, я тебе говорю, отпусти девушку! – настаивал на своем Патрик.

Чернокожий, пристроившийся к ирландке, оттолкнул ее в сторону и посмотрел на здоровяка. Тот был лидером в этой четверке, и чернокожие ждали его реакции. Вот такая скотина человек. Даже оказавшись на самом дне, он обязательно продолжает искать возможность для превосходства над себе подобными. Пусть власть его недолговечна и он сам это прекрасно понимает. Это вовсе не причина для того, чтобы отказаться даже от ее эфемерного подобия.

– Доктор, иди в поселок. Твое место там. Здесь командуешь не ты, – с ярко выраженным акцентом ответил здоровенный негр, продолжая удерживать девушку, вдруг замершую и смотревшую на Патрика с надеждой.

Негр все еще хотел разойтись с Патриком краями, не обидев его и сохранив лицо как в глазах своих товарищей, так и других рабов. Нельзя отказать ему в уме. Опять же, он вроде бы не из простых воинов и у себя на родине был одним из вождей. Вот только для Патрика это ровным счетом ничего не значило. Он попросту закусил удила, да и Шейранов был полностью с ним солидарен. Правда, этих ребят четверо, ну да бог не выдаст, свинья не съест.

– С чего ты взял, что можешь мне указывать, где мое место? – покачав головой, поинтересовался Патрик.

– А почему ты указываешь мне? – резонно возразил здо-

ровяк.

– Потому что я так хочу, обезьяна.

Негр отбросил девушку в сторону и двинулся на обидчика. Он, конечно, не хотел бы обострять отношения с доктором, но так уж случилось, что тот не оставил ему выбора. Впрочем, именно на это и рассчитывал Патрик. Надвигаясь на него, Абач, бог весть что означает это имя, подал знак своим товарищам не вмешиваться. Гордый.

Бой без оружия явно не был коньком африканца. Поэтому, сделав пару шагов, он подобрал бамбуковую палку примерно с метр длиной. Плети им были запрещены, а вот бамбуковая палка вполне подходит и для того, чтобы подчеркнуть статус, и для того, чтобы перетянуть ею какого-нибудь незадачливого раба.

А вот Патрик изначально рассчитывал только на себя. Нет, он, конечно, мог бы воспользоваться ножом, который ему выделили специально для сбора трав. Вот только это было чревато. Сейчас вообще лучше бы обойтись без членовредительства. Все же с хозяйским имуществом дело имеет. Поэтому вся его подготовка к схватке свелась к тому, что он уронил на землю свой мешок с травами.

Вообще-то Шейранов сейчас клял себя последними словами за то, что пошел на поводу у Кларка и ввязался в это дело. Разумеется, пройти мимо такого безобразия он не мог. Но ведь можно было бы придумать что-нибудь поумнее. Все-го-то пошевелить мозгами. Ведь он уже битый месяц думает

над тем, как сбежать с этого острова, и ничего не приходит на ум. А теперь еще можно получить ограничение в свободе передвижения.

Надо признать, выпад у Абача был поставлен хорошо. Плавное, грациозное, хищное и стремительное движение, в которое было вложено все мастерство чернокожего воина. Как видно, недооценивать Патрика он не собирался. Скорее всего, знал о том, что покойный хозяин уже получал взбучку от этого доктора.

Вот только его старания не принесли надсмотрщику успеха. Патрик вовсе не терял времени даром. Во время своих походов в лес он был занят не только сбором лекарственных растений, но еще и тренировался. Шейранову нужно было срочно подстроить тело Кларка под себя. Ведь он оказался в нем без предварительной подготовки.

Шагнув вперед и влево, Патрик резко сократил дистанцию, потом выставил вперед и под углом правую руку. Бамбуковая палка оказалась за его спиной. Рука Абача скользнула по внешней стороне правой руки Патрика, рассекая палкой пустое пространство. Доктор быстро подбил колено опорной ноги надсмотрщика и, когда она подломилась, резко перехватил его правую руку. Удерживая ее в замке своей левой рукой, правую он наложил на горло чернокожего и с силой сдавил гортань, вызывая его хрип.

– Сделаете хотя бы шаг, и он умрет, – держа мертвой хваткой стоящего на коленях Абача, холодно произнес Патрик.

При этом он был настолько убедителен, что дернувшиеся было собратья поверженного вожака тут же отпрянули назад. Убедившись, что в настоящий момент ему ничто не угрожает, Патрик настолько сильно сжал трахею, что чернокожий вдруг стал серым.

– Еще раз позволишь себе так вести себя со мной, и я тебя убью. Ты мне веришь? Потряси головой, если веришь. Вот и молодец.

– Что тут происходит?

Вот уж кого он хотел видеть сейчас меньше всего, так это хозяйку. Но... Патрик отпустил надсмотрщика, тут же зашедшегося таким сильным кашлем, что казалось, он выплюнет легкие, и почтительно поклонился госпоже Джонсон. Хозяйка восседала на белой кобыле арабских кровей и строго взирала на провинившихся. Сопровождавший ее управляющий поспешил покинуть седло своей гнедой и вместе со старшим надсмотрщиком приблизился к Патрику. Впрочем, предпринимать они ничего не стали, ожидая решения госпожи.

– Прошу прощения, ваша милость. Простое недоразумение между вашими рабами, без особых последствий, – попытался хоть как-то объяснить произошедшее Патрик.

– И в чем же суть этого недоразумения?

– Он запрещал нам иметь белых женщин, – тут же выпалил Айо, тот самый, которого Патрик застал при совокуплении.

В ответ на эту реплику госпожа Джонсон подала знак старшему надсмотрщику по имени Джеймс, и тот перетянул плетью незадачливого раба, исторгнув из Айо короткий, но болезненный стон.

– Будешь говорить, когда тебя спросят, – поигрывая плетью, произнес Джеймс.

– Это правда? – тем не менее поинтересовалась у Патрика госпожа.

– В некотором роде. К примеру, этому я не сказал ни слова, когда он... Ну...

– Дальше, дальше, – совершенно спокойно подбодрила его миссис Анна, словно речь шла не о непристойности.

– Словом, та женщина не протестовала, а потому меня это и не касается. А эта девушка была против домогательств надсмотрщика.

– Ясно. Заруби себе на носу, Патрик, здесь вы все рабы. Абач – надсмотрщик, и он по статусу выше простых полевых рабочих, а потому имеет перед ними ряд привилегий. Одна из них заключается в том, что он может брать женщин, стоящих ниже его, не спрашивая их позволения, если это не вредит работе. Ты, кстати, тоже.

– Но...

– Никаких «но», – слегка взмахнув стеком, оборвала его хозяйка. – Если только это не идет в ущерб делу. Джеймс!

– Я, ваша милость, – тут же отозвался старший надсмотрщик.

– Патрику два удара за то, что влез в вопрос, не касающийся медицины. И три за то, что пытался заговорить без моего на то позволения.

– Слушаюсь, ваша милость.

Патрик подумал, что его поведут в поселок и привяжут к столбу. Но вместо этого Джеймс тут же приказал ему снять с себя камзол и рубашку, дабы не повредить хотя и старые, но все еще приличные вещи. Не имея выбора, Кларк подчинился и тут же получил свою порцию, удерживаемый за руки неграми-телохранителями.

– Джеймс, кто из этих бездельников должен был присматривать за этим полем? – как только экзекуция была закончена, поинтересовалась госпожа Джонсон, указав на негров.

– Айо, – указав на насильника, сообщил старший надсмотрщик.

– Что тут делали остальные?

– Если позволите, ваша милость, я сам объясню, чтобы вы не утруждались, выслушивая их лепет.

– Говори, Джеймс.

– Предполагаю, что эти свиньи собрались здесь из-за вон той рабыни, Лиз. Она новенькая, вот они и пошли на поводу своих низменных желаний. Скоты, ваша милость. Мерзкие скоты.

– Ясно. За то, что оставили свое рабочее место, по три удара.

– Будет исполнено, ваша милость. Ну, чего стоите? Рубахи

долгой. Держите их, – это уже рабам-телохранителям.

Покончив с экзекуцией, госпожа Джонсон пообещала, что в следующий раз они так легко не отделаются. После чего отправилась дальше объезжать поля в сопровождении управляющего и старшего надсмотрщика. Ну и следующих по пятам двух дюжих негров-телохранителей.

Чернокожие надсмотрщики, осознав, что были на волосок от того, чтобы лишиться высокого по здешним меркам положения, стремглав помчались на свои поля. Подумаешь, спина болит (Джеймс знал свое дело туго), но лучше уж немного потерпеть сейчас, чем потом целыми днями трудиться под палящими лучами солнца.

В поселок Патрик вернулся, кривясь от боли. Ничего не поделаешь. Бросить мешок с лечебными травами он не мог, а собрал он солидно. Все же, что ни говори, его привилегированное положение обуславливается тем, насколько успешно он будет справляться со своими обязанностями. Впрочем... Спускать обиды было не в его правилах, и коль скоро он не может добраться до госпожи... Пока не может. То найдется, кому ответить за его мучения.

Порою полезно получить плетью по горбу. Вроде и не по голове, но здорово подстегивает работу мозгов. Вот когда волей-неволей вспомнишь отца народов и главного куратора всех шарашек. Ну да, Берию...

Наутро боль в спине только усилилась. И самое паршивое, что оказать самому себе помощь оказалось делом весьма

проблематичным. Если бы у него был хотя бы осколок зеркала, то можно было бы как-нибудь приспособиться. А так...

Однако помощь появилась в виде той самой рыжеволосой молодой рабыни по имени Лиз, из-за которой он, собственно, и был наказан. Она пришла в жилище Патрика на рассвете. Оказывается, старший надсмотрщик приказал ей помочь доктору. Правда, действовал он по распоряжению хозяйки. Какая трогательная забота о своей собственности!

Между прочим, сарказм тут неуместен. После смерти мистера Генри положение рабов несколько улучшилось. Они, конечно, все так же оставались бесправными и вкалывали от рассвета до заката, подгоняемые палками надсмотрщиков. Но зато их стали куда лучше кормить. А еще предоставили медицинскую помощь в лице Патрика, что за последний месяц уже принесло результаты.

Ну и, наконец, сам Патрик. Госпожа Джонсон не видела выгоды в том, чтобы он валялся в постели, трясясь от лихорадки. Уж очень дорого он обошелся ее покойному супругу. Впрочем, отдача была столь же очевидна. За прошедшее время, только начав свою врачебную деятельность, Патрик уже заработал своей госпоже три фунта. И заработок этот должен был расти.

– Я хотела вас поблагодарить, доктор Кларк, за то, что вступились за меня, – потупив взор, пролепетала девушка.

– Стоит ли благодарить, если это только отсрочка, а не избавление.

– С тех пор как меня оторвали от семьи, никто не пытался за меня заступиться. И даже если теперь мне будет стократ хуже, я все одно буду поминать вас в молитвах.

– Ну что же, надеюсь, мольбы такой миленькой девушки будут услышаны. Толика благословения Всевышнего никому не помешает.

Патрик легонько ударил по кончику острого носика, устроившегося на веснушчатом личике, окаймленном шевелюрой огненно-рыжих волос. Маленькая, ладненькая, молодая, двадцать с небольшим, без повязанного на голову грязного платка она была очень миленькой. А веснушки ей очень даже шли. Ничего удивительного в том, что эти гориллы докучали ей.

– Доктор Кларк, если вы замолвите словечко перед старшим надсмотрщиком, то я сегодня приду к вам, – густо покраснев и отведя взор, тихо произнесла Лиз.

– Это еще зачем?

– Я хотела бы отблагодарить вас.

Хм. Отблагодарить или обезопаситься? Ведь если она станет его любовницей и он негласно заявит на нее свои права... Нет, она все так же будет работать в поле, но домогаться ее больше не посмеют. Статус Патрика стоит вровень со старшим надсмотрщиком. Конечно, это смахивает на вынужденную любовь, но ведь он может ее и не трогать.

– Я подумаю над твоим предложением, Лиз.

А что такого? Время у него есть. И, судя по недоумеваю-

щим взглядам надсмотрщиков, которые они бросали с утра пораньше, в этом не было никаких сомнений. А раз так, то и горячку пороть не стоит. Опять же, не хотелось примерять на себя роль Дон Кихота и стать причиной еще больших несчастий, которые могут свалиться на рабынь плантации.

Обработав раны и отправив свою благодарную помощницу на работу в поле, Патрик и сам занялся делом. Сначала оседлал лошадь и до обеда отправился в город объезжать своих пациентов. А также навестить новых, сведения о которых оставили у здешнего управляющего. Вообще-то идиотизм. Если бы он собирался надолго задержаться в своем нынешнем качестве, то непременно убедил бы госпожу Джонсон устроить в Бриджтауне амбулаторию. Но это если бы собирался остаться...

Затем Патрик решил наведаться в кузницу. Проклятье! Он точно помнит, что отбросил спицу в этот угол. Это уже третья его попытка, и все без толку. Конечно, хлама в кузнице хватает, но не сквозь землю же она провалилась! Ее мог найти кузнец, когда наводил здесь порядок. Вот только Патрик мог поручиться, что тут уже давно никто не прибирался. И вообще, за исключением аккуратно разложенных инструментов и готовой продукции, все остальное пребывает в таком беспорядке, что черт ногу сломит.

– Что-то потеряли, доктор? – Кузнец Гобан, крепкий мужик невысокого роста, привалился к дверному косяку, с лентой потирая руки тряпичей.

– Нет. Просто мне понадобилось изготовить парочку инструментов. Зашел, а тебя нет. Вот и решил подыскать что-нибудь, на чем можно нарисовать то, что мне нужно.

– Ясно. А я уж подумал, что вы ищете это. – Кузнец подошел к одной из полок, и в его руке появилась искомая спица со стальным шариком на конце. – Здесь, может, и пыльно, и кажется, что все разбросано в беспорядке. Но это мой беспорядок. И я точно знаю, где что лежит. Даже мало-мальская железяка. А вот эта спица – не моя.

– Занятная вещица. Но я искал не ее.

– Не сомневаюсь, доктор. Признаться, покойного хозяина тут никто не любил. Даже Джеймс, которого он поднял из грязи над всеми нами и сделал почти свободным. Мне он не нравился особенно, хотя я и ни разу не испытал на себе его гнев. Оно, конечно, ирландцу не за что любить англичанина. Но не только это тому причиной. У нас дома к огню отношение почтительное, а кузницу так и вовсе почти как храм почитают. От пращуров еще заведено. А он тут людей каленым железом пытал.

– Не ты?

– Спросите любого, доктор. Когда кузницу превращали в пыточную, я никогда не находился здесь. Разве только, подчиняясь приказу, разводил в горне огонь. Потом хозяин давал указания, а Джеймс со своими подручными надсмотрщиками управлялся с инструментами. Х-ха. Слышал, что вы вчера чуть не вырвали глотку Абачу, тот еще палач! – заго-

ворил совершенно о другом кузнец. – Вам палец в рот не клади.

– Тогда знаешь и о том, что мне пришлось применять свои способности для лечения собственной спины, – внимательно посмотрев на кузнеца, произнес Патрик.

– Жутко неудобно, наверное.

– Да уж, неудобно.

– Но я думаю, вы еще легко отделались. Не то что наши надсмотрщики. Не слышали, какая у них напасть случилась?

– Интересно было бы узнать.

– Не повезло бедолагам. Они сегодня с утра обнаружили, что где-то растеряли мужскую силу. Ходят мрачнее тучи, буркалами вокруг водят и понять ничего не могут. А Абач, дубина черномазая, отчего-то вдруг стал называть вас шаманом.

– Действительно дубина, – пожав плечами, легко согласился Патрик.

– Здесь многие очень быстро теряют себя. Кому-то, как мне, благодаря собственному мастерству удастся держаться наособицу. Кто-то, как Джеймс, обнажает всю свою гнилую суть ради лишней пайки. Другие копят злость и решимость, после чего поднимают бунты, вымещая на всех затаенную ненависть. Но вы первый на моей памяти, кто, даже оставаясь рабом, продолжает внушать к себе уважение и не дает спуска своим обидчикам.

– Занятная речь. Не знай я, что ты кузнец, непременно

решил бы, что говорю с образованным человеком.

– Это все книжки, доктор. С детства у меня две страсти – кузница и книги. Не поверите, но именно их мне сейчас не хватает больше всего. Отличная сталь, – потрогав острый наконечник спицы, произнес кузнец. – А главное, если ударить в сердце, то и крови совсем не будет. Так... капелька. Меньше, чем из раздавленного комара. А если запечется, так можно принять и за родинку. Держите.

Патрик внимательно посмотрел в глаза кузнецу. Задумался ненадолго, а потом решил – будь что будет и взял спицу, тут же начав прилаживать ее в шов на штанах. Наблюдая за этим, кузнец только ухмыльнулся и погладил окладистую бороду.

– Вот оно, значит, как. А я-то думал-гадал. И где вы только такому научились?

– В тюрьме, где же еще.

– А как смогли раздобыть?

– А то ты не знаешь, что в тюрьмах можно раздобыть все, было бы только чем заплатить.

– Это да. Но... Хотел бы я знать того, кто ее смастерил, а главное – получил такую сталь.

– Увы. Но тут я тебе точно не помощник. Я заплатил, охранник принес мне спицу. После службы на флоте без оружия чувствую себя неуютно.

– Понимаю. Да, доктор, вы бы с острасткой теперь ходили.

– Что так? Думаешь, надсмотрщики захотят поквитаться?

– Эти-то? Не-ет, они еще пару-тройку деньков походят сами не свои, а потом придут к вам с повинной головой. Говорю же, Абач вас шаманом назвал, а они их страсть как боятся и уважают.

– Тогда чего мне следует опасаться?

– Так баб наших. Они теперь скопом вас отблагодарить захотят, потому как продыху им от этих черномазых не было никакого. Глядите, эдак зажмут в темном уголку, и не отмахнетесь от благодарности, – явно веселясь, заключил кузнец.

– Ясно. Ты вот что, Гобан, обращайся ко мне, как к равному. В конце концов, так оно и есть.

– Как же я могу? Вы человек образованный.

– Ну, ты тоже не простак, в железе толк знаешь. И вообще, я с друзьями всегда на «ты».

– Значит, друзья?

– Если ты не против, – протягивая руку, подтвердил Патрик.

– Хм. А вот не против... Патрик, – с явной заминкой произнес Гобан и пожал протянутую руку. – Кстати, насчет чего-то там тебе нужного ты придумал?

– С чего бы это? И как бы я выглядел, если бы ты спросил меня об этом?

– Ну тогда рассказывай, что тебе потребовалось. Вот доска, вот уголь. Уж извини, но лучше ничего нет.

– Нормально. Ты у нас мужик головастый, так что ухватишь без труда...

В кузнице Патрик провел еще полчаса, объясняя, в каких еще инструментах нуждается. Гобан схватывал все на лету и обещал, что уже к завтрашнему вечеру заказ будет полностью готов. Конечно, если его не нагрузят какой-нибудь другой работой. Что ни говори, но бездельничать кузнецу на плантации некогда. Опять же, приходится выполнять заказы, поступающие от других плантаторов, потому как далеко не во всех хозяйствах имеются свои мастера.

Патрик уже был у себя в хижине и занимался приготовлением бальзама для заживления ран, когда к нему прибежал запыхавшийся мальчик мулат. Он был из усадебных рабов и, как следствие, бегал с различными поручениями. Причем подходил к своим обязанностям со всем прилежанием, дабы не навлечь на себя недовольство госпожи. Вот и сейчас он старался вовсю, о чем свидетельствовала его высоко вздымающаяся грудь.

– Доктор Патрик, вас срочно зовет хозяйка! – выпалил мальчишка, едва появившись в дверях хижины.

– Прямо срочно.

– Велела поспешать.

– Ладно, беги, я следом.

Бог весть зачем она его вызывает. Но на всякий случай Патрик прихватил с собой свою сумку с инструментами и медикаментами. Ничего конкретного, общий набор для оказания первой помощи. Для чего-то же ей понадобился доктор.

В усадьбе он был уже через пять минут. Не так уж тут далеко, да и торопился он. Чего уж там, навлекать на себя недовольство и получать взбучку у него никакого желания не было. Исполосованная спина доставляет слишком сомнительное удовольствие, чтобы желать добавки.

Миссис Анна встретила его сидя в плетеном кресле, за тоже плетеным столиком, на террасе дома. Белокурая, с белой прозрачной кожей, что очень ей шло. Вообще-то в настоящий момент было принято наносить на лицо белила, подчеркивая белизну кожи. Бр-р-р. Страсти какие. И это последний писк моды. Приснится эдакая образаина, так и топором не отмахнешься.

Как видно, госпожа Джонсон придерживалась того же мнения. Эта женщина старательно ухаживала за своей кожей при помощи ароматических масел. И вместо того, чтобы наносить слой штукатурки, спасаясь от палящих лучей солнца, предпочитала зонты, шляпы с большими полями, перчатки и легкую шелковую шаль. И эти старания не были напрасными. Красавица, да и только. Даже можно влюбиться, если хоть на миг позабыть о ее крутом нраве.

– Здравствуйте, госпожа. Вы меня вызывали?

– Я слышала, что, несмотря на взбучку, ты уже приступил к своим обязанностям. И даже сейчас явился во всеоружии, – указывая взглядом на сумку, висящую у него на плече, удовлетворенно произнесла госпожа Джонсон.

– Готов служить вашей милости, – покорно ответил Пат-

рик.

Лучше уж лишний раз прогнуться, чем огребать неприятности, а потом устранять их последствия. И, судя по удовлетворенному взгляду, которым его окинула хозяйка, он все угадал точно. А самолюбие?.. Всею свое время.

– Я получила извещение от господина губернатора. В Бриджтаун прибыл военный фрегат. Господа военные моряки что-то не поделили с испанцами. Вероятно, море для них оказалось слишком уж тесным, – с явным сарказмом, но непонятно к кому обращенным, заметила она. – Словом, досталось и кораблю и экипажу. А главное – среди пострадавших их хирург. Собери все необходимое и немедленно отправляйся в порт. Управляющий уже распорядился, получишь на конюшне лошадь. Раненых устроили в каком-то портовом складе. Это все.

– Должен ли я говорить с капитаном об оплате, ваша милость?

Нормальный вопрос. Медицинская помощь – услуга дорогая, а потому никто и не подумает заниматься благотворительностью. Нет, конечно, если в этом есть какой-либо смысл, то дело другое, а просто по зову сердца... Разумеется, есть и такие, но только их единицы, и госпожа Джонсон явно не из их числа. За прошедший месяц Патрик успел в этом убедиться.

– Никакой платы, Патрик. Просто лечи раненых и делай это со всем возможным прилежанием. Я заинтересована в

том, чтобы все раненные встали на ноги. Ты меня понимаешь.

– Понимаю, ваша милость, и сделаю все возможное. Но...
О...

– Я знаю, что ты не Господь Бог. Но лучше бы тебе постараться.

– Разрешите поинтересоваться, сколько там раненных?

– Я не знаю. Это имеет значение?

– Коль скоро они не умерли по дороге сюда, возможно, и нет. Но там могут быть тяжелораненные, им потребуется особый уход, и я попросту не смогу со всеми управиться. К тому же, помимо лечения, мне будет необходимо готовить лекарства.

– Хорошо. Мы поступим так. Ты отправишься в порт не один, а с грумом. Осмотришься на месте и с ним же передашь весточку, нужны ли тебе помощники. Ступай.

Вообще-то подобный подход несколько удивил Патрика. Не в правилах госпожи Джонсон делать подарки. А в данном конкретном случае она лишалась солидной суммы. Впрочем, особо задумываться над этим вопросом он не собирался. Лошадь, скорее всего, уже под седлом. Так что нужно как можно быстрее посетить свою хижину, собрать побольше перевязочных материалов. Благо их запас у него изрядный, и отваров для промывания ран с заживляющими настойками – тоже. Во всяком случае, на ближайшее время должно хватить, а там будет видно.

К нужному складу, расположившемуся неподалеку от од-

ного из причалов, Патрик прибыл уже к вечеру. Оставалась только пара часов светлого времени. Но он надеялся, что все же успеет хотя бы осмотреть всех и определиться с порядком лечения. Оперировать при свечах, если в том возникнет необходимость, он не был готов. Хотя... Конечно, если придется, то слабое освещение его не остановит.

– Приветствую вас, коллега, – едва только Патрик соскочил на землю, как его тут же окликнул худощавый мужчина лет сорока.

Как подобает людям его профессии, он был одет в черное, с белым отложным воротником и кружевными манжетами. Через левое плечо висит довольно объемная и вовсе не пустая сумка. В руке изящная трость. Впрочем, по поводу этой трости не следовало обманываться. В ней скрывался отличный клинок толедской стали. Расхаживать по Барбадосу безоружным дело небезопасное. Все же рабов на острове в несколько раз больше, чем свободных.

– Здравствуйте, доктор Кук. Не произошло ли какой-нибудь путаницы? Все верно? Раненых с королевского фрегата должен лечить я?

На острове было два доктора. Вот только в отличие от Картера, способствовавшего осуждению Патрика, эти двое даже не помышляли о том, чтобы строить козни против доктора-невольника. Более того, они не гнушались советоваться с ним и перенимать его опыт, обращаясь к нему весьма уважительно. Так сказать, корпоративная солидарность в дей-

ствии.

Причина подобного отношения была проста. Он не был для них конкурентом. Наоборот, его появление сняло с их плеч изрядную долю нагрузки. Теперь все малообеспеченные жители острова и некоторая часть среднего класса обслуживалась Патриком. Так что он имел солидный заработок исключительно благодаря большому количеству пациентов. Словом, как говорится, горел на работе.

Конечно, больному все равно, кто его лечит. Но это не относилось к большинству жителей Барбадоса, и зажиточных – в особенности. Далеко не каждый позволит приблизиться к себе рабу, пусть он белый, является бакалавром медицины и пользуется репутацией хорошего врача. Для рабовладельцев все это не имеет значения. А рабами на острове владели многие. У хозяев кабаков, например, не было свободной прислуги. В лучшем случае контрактные рабы, которые теоретически могли получить свободу, выплатив свой долг. На острове проживали и такие. Правда, лишь единицы.

– О-о, не сомневайтесь, коллега. Эта работа – ваша. Губернатор не мог оставить без помощи моряков Его Величества, коль скоро корабельный хирург сам оказался в числе раненых. Его и еще двух господ офицеров доставили к доктору Калхауну. А матросов предоставили в ваше распоряжение. Я слышал, губернатор пообещал госпоже Джонсон некие преференции, если вы отлично справитесь со своими обязанностями.

– Его милость так в этом заинтересован?

– Все дело в капитане фрегата. Это некий виконт Омальский, батюшка коего, будучи пэром, покровительствует нашему губернатору. Виконт же души не чает в своих подчиненных, хотя и слывет довольно строгим.

Хм. Ну, интерес губернатора понятен. А вот с интересом госпожи Джонсон не все ясно. Конечно, получение неких преференций от губернатора – это неплохо. Но Патрик явно уловил в ее приказе то, что она лично заинтересована в выздоровлении раненых. И еще то, что ему лучше вернуться наизнанку, но выполнить ее приказ и поднять всех пациентов до единого.

– В бытность свою во флоте я слышал о нем, – с задумчивым видом произнес Патрик. – Капитан фрегата «Стремительный». На службе он готов содрать с матроса три шкуры. Но щедр в наградах и проявляет искреннюю заботу о подчиненных. А главное, никогда и никому не даст своих парней в обиду, невзирая на чины и звания. Он считает, что над командой своего фрегата властен только он.

– Знакомы лично? – вздернув бровь, полюбопытствовал доктор Кук.

– Бог миловал. Он ненавидит ирландцев настолько сильно, что мне это не сулило бы ничего хорошего.

– Да, да, я помню вашу дуэль с покойным Джонсоном. Правда, сойдись вы с виконтом, то проиграли бы в любом случае.

– Это уж точно. Но позвольте полюбопытствовать, что тут делаете вы, коль скоро обихаживать раненых должен я?

– Ну, дорогой коллега. Для других вы, возможно, и бесправный раб. Для меня же в первую очередь человек, преуспевший на ниве медицины больше, нежели я. Да-да, я не боюсь этого признавать. А коли так, глупо отказываться от возможности приобрести полезный опыт. Иными словами, я здесь в качестве вашего добровольного ассистента.

– Даже так.

– Именно так.

– Ну что же, приятно видеть умного человека, и уж тем более общаться с ним.

– Даже если он англичанин? – с нескрываемым весельем поинтересовался доктор Кук.

– Даже в этом случае, – приложив руку к груди и изобразив поклон, подтвердил Патрик, после чего сделал приглашающий жест в сторону входной двери склада.

Раненых оказалось двенадцать человек, и устроены они были, надо сказать, весьма удобно. Для каждого был сколочен отдельный лежак, представляющий собой деревянную раму с натянутой на нее парусиной. Имелся и довольно просторный стол, не иначе как позаботились о рабочем месте для доктора. А еще здесь присутствовали двое матросов, похоже, помощники корабельного хирурга, которые, в силу приобретенного умения, ухаживали за своими товарищами.

Н-да. Господин виконт и впрямь проявляет неподдельную

заботу о подчиненных. «Стремительный» бросил якорь в Карлайлской бухте не более трех часов назад. Но капитан не только успел определиться с размещением раненых, но еще и сумел обеспечить им более или менее пристойные условия.

Данное обстоятельство радовало Патрика. Мало того что у него есть два помощника хирурга, так еще и добровольный ассистент – доктор Кук. Так что грума можно отпускать. Разве только забрать переметные сумки с прихваченными медикаментами. Похоже, уже завтра нужно будет отправляться в лес, за новым сбором. Уж тут бы лучше озаботиться помощниками. Никаких сомнений, сегодня он израсходует все свои запасы промывающих отваров и изрядную долю антисептических настоек. Уж больно серьезно выглядели раненые. А настойки раньше чем за две недели никак не приготовить.

Конечно, он мог бы рассчитывать на помощь коллеги из съемочной группы. Но из-за упертого характера Перегудова это было маловероятным. Против помощи на начальном этапе он не возражал, но вот дальше господину доктору придется изворачиваться самостоятельно. Впрочем, так оно и лучше. Если уж Шейранов хочет оказать полезную услугу местной медицине, то следует использовать местные же резервы и возможности, а не уповать на подарки из более развитого слоя.

– Доктор Кук, позвольте вас попросить, – обернувшись спиной к помощникам корабельного хирурга, тихо обратился к коллеге Патрик.

– Да, доктор Кларк, – столь же тихо ответил тот.

– Не могли бы вы играть первую скрипку?

– Вам напомнить, с какой я тут целью?

– Я помню. Просто при столь яркой нетерпимости виконта к ирландцам, да еще учитывая, что я раб... Сомневаюсь, чтобы команда не разделяла его взглядов.

– Бойтесь осложнений?

– Ну, еще больше навредить у меня вряд ли получится. А вот этим бедолагам придется несладко, – кивнув в сторону раненых, попеременно оглашавших склад страдальческими стонами, ответил Патрик. – Не хотелось бы сталкиваться с ослиным упрямством в связи с моим положением. А мне придется требовать кое-чего непривычного, даже для вас.

– Но я не смогу тут присутствовать постоянно.

– Это так. Однако завтра в их глазах я буду выглядеть вашим помощником, а когда этим малым полегчает, то неприязнь и недоверие притупятся.

– Ладно. Тогда подсказывайте, что я должен делать, – скосив взгляд на уже поглядывавших на них помощников, произнес доктор.

– Сначала пусть несут вон того, второго слева. Потом снимаем с него повязки, моем руки с мылом, протираем крепким ромом, обрабатываем им же инструменты и приступаем к работе. А пока мы будем оперировать, пусть эти молодчики раздобудут большой чан и вскипятят воду.

– План действий понял. Но... Ранение в живот. Стоит ли

отвлекаться на него?

– У него осталось времени меньше всех. А возможность спасти его, как я думаю, у нас имеется. И еще. Нам понадобятся свечи. Много свечей. Пара больших зеркал, и еще четверо помощников. Работы изрядно, так что засветло нам не управиться. Если, конечно, вы готовы.

– Не готов. Но чувствую, что будет очень интересно. Любезнейший, несите-ка на стол вон того страдальца, – указав на раненого, распорядился доктор Кук, обращаясь к одному из помощников корабельного хирурга.

– Господин доктор, стоит ли? Он уж доходит, – усомнился тот.

– Ты слышал, что я сказал? – встретившись взглядом с Патриком, строгим тоном приказал Кук. – А потом раздобудьте большой чан, самый большой, какой только получится, и вскипятите воду. Да смотрите, чтобы он был чистым. Ясно?

– Ясно, господин доктор.

– Вот и выполняйте. Да, и вызовите сюда кого-нибудь. Я не знаю, боцмана, что ли. Нам понадобятся еще помощники.

– Слушаюсь, господин доктор, – укладывая раненого на стол, ответил все тот же матрос...

* * *

– О-о, виконт. Как я рада видеть вас у себя дома. Нако-

нец-то вы нашли для этого возможность. Ваше времяпрепровождение на нашем острове столь насыщено, что я уже и не чаяла вас увидеть в числе гостей.

Анна говорила с легким налетом обиды, безразличия, грусти и кокетства. Да, да, никакой путаницы. Наблюдая за ней и слушая ее бархатистый обволакивающий голос, можно было безошибочно распознать всю эту разностороннюю гамму. Как ей это удавалось, решительно непонятно. Но факт остается фактом.

– Дорогая Анна, вы даже представить себе не можете, как я стремился к вам. И только желание ни в коей мере не скомпрометировать вас останавливало меня от поспешных и необдуманных действий, – опустившись на колени и приложившись губами к ее ручке, страстно произнес виконт.

– И именно поэтому вы предпочли вчера навестить эту бесстыдницу Джейн Атчесон, – вырвав руку и резко отвернувшись, довольно желчно произнесла Анна.

– Ну что же. Коль скоро об этом знаете даже вы, вследствие траура ведущая затворнический образ жизни, то об этом знают и все остальные. Что нам только на руку, – поднимаясь с колена, ответил виконт.

– Вы пришли ко мне из ее объятий, и находите это удачным обстоятельством, – резко обернувшись, подобно змее, прошипела Анна.

– А вы разве нет?

– Вы издеваетесь?

– Что вы, миссис Анна. Я просто стараюсь вам объяснить, что коль скоро все судачат о любовной связи между мной и миссис Джейн, то истинная причина моего посещения вашей усадьбы для всех останется тайной. Всем известно, как я забочусь о своей команде, и явиться к вам с визитом, дабы лично отблагодарить за вашу заботу о моих мальчиках, вполне естественно.

– То есть вы устроили всю эту игру только ради того, чтобы обезопасить мою честь?

– Разумеется, – пожав плечами, произнес он как о чем-то само собой разумеющемся. – Едва только я узнал, что у вас на плантации имеется раб-доктор, как попросил губернатора под самым благовидным предлогом вызвать именно его. Анна, я устал от этой никчемной игры. – Заключив женщину в объятия, виконт прижал ее к груди и впился в полные губы жарким поцелуем.

Последняя здравая мысль захваченной пылкой страстью Анны была о том, что она весьма удачно решила не принимать виконта на террасе. Ее усадебные рабы были отлично вышколены и нигде, ни при каких обстоятельствах не станут судачить о произошедшем. Как, впрочем, сдерживали свои языки и о более ранних свиданиях молодой госпожи и ее пылкового тайного воздыхателя. А вот если бы виконт дал волю своим чувствам снаружи дома, этому могли оказаться совершенно нежелательные свидетели.

– Боже, Джек, ты меня доводишь до исступления.

– Генри был не так хорош? – с плохо скрываемой ревностью поинтересовался виконт, вкладывая в губы Анны ягоду винограда.

– Возможно, он и был хорош, но я этого так и не смогла почувствовать.

– Как так? Ведь ты родила от него дочь.

– Ну, зачать ребенка и любить женщину – это совершенно не одно и то же. Да и я его не любила, а только выполняла супружеский долг. Наш брак был по расчету. С тобой же я потеряла голову.

– Я тоже схожу по тебе с ума, дорогая. Анна, я не желаю, чтобы между нами были хоть какие-то препятствия. Выходи за меня замуж.

– И как же ваш батюшка посмотрит на подобный выбор, виконт Омальский?

– Я сумею его убедить.

– Полно. Я рада уже тому, что ты у меня есть.

– Но я хочу обладать тобой всецело, без оглядки.

– Это сейчас. А что будет потом? Мне еще около года носить траур, и за это время может случиться многое. А потом твой батюшка может подобрать для тебя другую, более выгодную партию. И ты, как прямой наследник, не сможешь отказаться. Долг крови, от которого никуда не деться.

– Но...

– Тс-с. Тихо, любимый. Не надо давать опрометчивых клятв и обещаний. Я не желаю разочаровываться в том, ко-

го полюбила всем сердцем. Самое большое обещание, которое я готова от тебя услышать, – это то, что ты сделаешь все возможное, но не станешь помышлять о невозможном. Я же буду твоей всегда. Пусть и любовницей. Если я буду знать, что сердце твое со мной, с меня этого будет довольно.

– Анна...

– Если ты меня любишь, то обещай именно то, о чем я прошу, и не больше, – приложив палец к его губам, потребовала она.

– Я обещаю, что сделаю все возможное и... Х-хорошо. Только возможное, чтобы мы были вместе.

– Вот и замечательно.

Абсолютно нагая Анна соскользнула с широкой постели и, подойдя к столику, взяла в руки графин чистейшего хрустала, с желтой жидкостью внутри. Наполнив стакан, она сделала большой глоток и, с удовольствием вздохнув, осветилась улыбкой.

– Лимонад? – предложила она.

– Вина, – тряхнув головой, возразил виконт.

– Напрасно. Вино пьянит, а лимонад освежает, – тем не менее наполняя бокал рубиновым вином, ответила Анна.

– Я и без того пьян, только от одного твоего присутствия.

– Кстати, как там твои мальчики? – подавая бокал, поинтересовалась она.

– Замечательно. Вероятно, губернатор решил подстраховаться и прислал доктора Кука. Он просто кудесник. По-

думать только, ему удалось вернуть буквально с того света пройдоху Питера. Парень уже пошел на поправку. А ведь этот малый умудрился поймать испанскую пулю животом.

– Как ты сказал? Доктор Кук?

– Да, дорогая.

– Но... А как же мой раб? Он что же, пренебрегает своим долгом?

– Я видел его пару раз. Мои парни говорят, что он бывает там регулярно, выполняя распоряжения доктора Кука. Не в моих правилах говорить одобрительно об ирландцах, но он вполне пристойно выполняет обязанности, которые возложил на него доктор Кук.

– Вот, значит, как.

– Дорогая, но чем вызвано твое недовольство?

– Тем, что кое-кто вознамерился водить меня за нос. Прости, дорогой, но нам нужно привести себя в порядок. Опять же, правила приличия не позволяют тебе надолго задерживаться в моем доме.

– Значит, так...

– Джек, я тебя прошу, только не огорчайся. Я ведь должна заботиться о своей репутации, которая может ударить по моей дочери.

– Я все понимаю, и именно поэтому...

– Все, что возможно, Джек. Только все, что возможно, – прильнув к его груди, ласково проворковала она.

Привести себя в порядок при наличии нескольких вышко-

ленных и опытных рабынь не составило труда. Так что очень скоро влюбленные были готовы предстать пред взором посторонних глаз. И надо сказать, что в их туалете не было ни одного изъяна, способного хотя бы намекнуть на непристойное поведение этой парочки.

Впрочем, можно ли назвать непристойным стремление двух любящих сердец быть вместе? Пожалуй, нет. Вот только мнение общества будет явно противоположным. Даже если позабыть о трауре, в котором пребывает миссис Анна, связь, не освященная браком, не может не вызвать кривотолков. Правда, есть и исключения, такие, как миссис Джейн Атчесон, о которой все уже попросту устали чесать языки...

– Итак, Патрик, ты посмел меня обмануть, – вперив строгий взгляд в представшего перед ней раба, спокойно и даже как-то снисходительно поинтересовалась госпожа Джонсон.

Вообще-то подобный тон не предвещал ничего хорошего, и Патрик это осознал сразу. Хотя и не понимал, чем вызван ее гнев. По его мнению, очень даже наоборот. Если он и не заслужил награды, так доброе слово уж точно. Ведь ее распоряжение относительно раненых моряков исполнено в лучшем виде. Уже сейчас он мог поручиться, что ни один из них не распрощается с жизнью. Процесс выздоровления, конечно, еще будет долгим, но в остальном все просто замечательно.

– Я не понимаю, чем мог вызвать ваше недовольство, ваша милость, – искренне недоумевая, произнес Патрик.

– Не понимаешь? Я велела тебе выхаживать раненых. Тебе, а не доктору Куку. Но вместо этого узнаю, что бремя по излечению моряков взвалил на себя именно он. Ты же подвизаешься в его помощниках.

– Но, ваша милость, все не так. Доктор Кук сам предложил свои услуги, желая перенять у меня некоторые умения и навыки.

– Ты смеешь мне лгать, глядя в глаза?

– Я не лгу. Это истинная правда. Он пришел в первый же вечер и предложил быть моим помощником. Я согласился, но только с одним условием: доктор Кук должен был показать всем, что главный он.

– Если ты не лжешь, то к чему понадобилась эта хитрость?

– Сомнительно, чтобы матросы быстро и без лишних вопросов выполняли распоряжения раба. А уважаемый доктор – совершенно другое дело. Минимум трое моряков выжили только благодаря тому, что матросы и боцман выполняли приказы доктора Кука быстро, четко и без лишних проволочек.

– Но отчего же я об этом ничего не знала?

– Ваша милость отдали мне приказ излечить раненых и сделать все возможное для того, чтобы ни один из них не погиб. Я только выполнил вашу волю.

При этих словах миссис Анна не без удовольствия посмотрела на своего возлюбленного. Зная о его искренней заботе в отношении подчиненных, она считала, что сумела уго-

дить ему наилучшим образом. Даже ее раб был готов лукавить, лишь бы мальчишки виконта сумели продолжить службу.

– Но ты посчитал возможным водить меня за нос, – недовольно бросил виконт, смерив наглеца суровым взглядом.

– Я не...

– Молчать, ирландская скотина! Мои парни мне дороги настолько, что мне было бы наплевать, кто вырвет их из лап смерти. Мои моряки готовы на все, даже выполнять распоряжения такого грязного раба, если только это позволит им спасти товарищей по оружию. Но вместо того чтобы просто делать свое дело и заслужить благодарность, несмотря на твое низкое положение и мерзкий род, ты посмел дурачить меня.

«О-о-о. Как все запущено. Виконт явно себя распаляет, и чем это обернется, только богу известно. Интересно, он его убьет или все же ограничится только телесным наказанием?» В то, что все обойдется тишком да бочком, Шейранов не верил. Как, впрочем, и сам Патрик. Оставалось только понять, насколько сильно он попал? Хм. А ведь пожалуй что и по полной.

Патрик невольно ощупал пальцами шов, в котором скрывалась спица. Никаких сомнений, его судьба сейчас в его же руках. Чуть сзади и справа стоит Джеймс. Этот со своей плетью, пожалуй, самый опасный, уж больно виртуозно он ею владеет. Значит, сначала нужно вывести из игры его. У ви-

конта шпага, но это не так страшно. С этим управиться будет куда проще, да и привычнее.

Патрик уже четко знал, как именно будет действовать. Его останавливало только одно. Если есть хоть малейшая возможность избежать предстоящей резни, то он готов ею воспользоваться. Начни он действовать, и дороги назад уже не будет. За последние дни он успел выработать план побега. Как выяснилось, это до невероятного просто. Но для его осуществления он должен был сохранять относительную свободу передвижения. А еще нужна была спокойная, тихая ночь.

Но если сейчас случится смертоубийство, то надежда только на Перегудова и съемочную группу. Конечно, продюсер, скорее всего, захочет вытащить своего непутевого главного героя. Но ведь в этом случае и все остальные планы Патрика полетят псу под хвост. Или станут более трудноосуществимыми.

– Джеймс, немедленно отведи Патрика к центральному столбу и отмерь ему за наглость два десятка ударов плетью.

– Слушаюсь, ваша милость.

Вообще-то не сказать, что подобная мера удовлетворила виконта. Но, с другой стороны, он тут не хозяин. Да и два десятка плетей этому задохлику могут оказаться смертельным приговором. Ч-черт. С каким бы удовольствием...

– Дорогой, я что-то сделала не так? – сконфуженно глядя на любовника, поинтересовалась Анна, когда они остались одни.

– Твое решение... Это наказание показалось мне слишком мягким.

– Но я так возмущена его наглостью, что пожелала немедленно его наказать. Однако если ты считаешь...

– Нет, нет. Ни в коем случае. Я давно командую людьми и прекрасно сознаю, что менять собственные решения перед подчиненными довольно нехорошая практика. Это создает у них образ не уверенного в себе начальника. А уж когда речь идет о рабах, так подобное недопустимо и подавно. Ты приняла решение, каким бы оно ни было, и я его уважаю.

– Может, пообедаем?

– Замечательная мысль.

– Ты пока иди в столовую, а мне нужно отдать пару распоряжений. Извини, слишком большое хозяйство.

– Конечно.

Проводив взглядом любовника, Анна подозвала к себе мальчика мулата, который всегда бегал на посылках. Сейчас его резвость совсем не помешает. До поселка рабов не так чтобы далеко, а Джеймс всегда готов пустить в ход свою плетль, так что лучше бы поторопиться.

– Передай старшему надсмотрщику, что я велела не наказывать доктора слишком сильно. Запомнил?

– Да, госпожа.

– Тогда беги.

Джека она любила всем сердцем. Но при этом она была еще и рачительной хозяйкой. Этот раб выполнил ее приказ, а

потому заслужил награду. Пусть и столь своеобразную, коль скоро он умудрился разгневать виконта. Ну и, конечно же, он сулил ей выгоды в будущем, и она не видела причин, отчего должна их лишиться. А плети... Они никогда не будут лишними, потому что имеют свойство врезаться рубцами в память, указывая рабу на его истинное положение.

Глава 3

Побег

– Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Едва заметив, что Патрик открыл глаза, Лиз тут же подхватила кружку с горячим питьем и подошла к его постели. Ну какой там постели! Грубо сколоченный топчан с подстилкой из травы, поверх которой наброшен кусок старой парусины. Такой же ветхий кусок служил Патрику одеялом. Оно конечно, южные широты, и холода тут отродясь не водилось. На дворе декабрь 1672 года, но температура ночью не опускается ниже двадцати градусов. Поэтому рабы вполне обходятся и без одеял. Но все же ясными ночами бывает прохладно, во всяком случае, для акклиматизировавшегося организма. А тут еще и состояние здоровья оставляет желать лучшего.

– Спасибо, Лиз. Сегодня намного лучше, чем вчера.

Патрик сел на топчане и с благодарностью принял кружку с отваром, приготовленным заботливыми девичьими руками по его указаниям. Вкус у варева терпкий, неприятный, причем настолько, что так и подмывает выплюнуть эту гадость. Но, пересилив себя, он все же допил лекарство. С помощью девушки избавился от старой, штопаной, но чистой рубашки и предоставил Лиз возможность сменить ему повязку и сма-

зять уже неплохо поджившие раны.

Вообще-то он имел все шансы не подвергнуться экзекуции. Шейранов вовсе не был уверен в том, что его подопечный выдержит двадцать ударов плетью. Если уж полусотня едва не отправила на тот свет гиганта Кевина, то с Патрика и пары десятков хватит с избытком. Напасть на Джеймса он собирался на полпути от усадьбы до поселка рабов. Они как раз должны были проходить по участку, скрываемому от посторонних взглядов кустарником.

Однако уже на подходе к намеченному месту он получил весть от Перегудова о том, что хозяйка отдала приказ старшему надсмотрщику не усердствовать при наказании. Решать, как поступить, конечно, Шейранову, долг же продюсера сообщить об имеющихся вариантах.

Признаться, Сергей Федорович не сомневался, что именно хочет заполучить Перегудов. Избиение Кларка, конечно, на некоторое время выведет его из игры. Но в то же время вынужденный перерыв позволит кукловоду прийти в себя в собственном теле и, как следствие, растянуть шоу по времени, позволив добиться больших результатов.

Впрочем, самого Шейранова это также устраивало. Конечно, он меньше всего хотел, чтобы на долю его подопечного достались столь серьезные страдания. Но в то же время бежать сейчас слишком большой риск, да и делать это придется фактически в одних штанах. А чтобы уйти с наибольшей выгодой, требовалось время. Он уже начал сколачивать

команду, все через того же Кевина, но сделано пока было ничтожно мало.

В оправдание себе Шейранов полностью блокировал сознание Патрика и всю «прелесть» принятия наказания испытал самолично. Правда, Кларку предстояло пройти в одиночку не менее «приятный» процесс выздоровления. С другой стороны, если болит, значит, ты жив, а это уже немало.

– Спасибо, Лиз. У тебя очень нежные руки.

– Скажете тоже, доктор. Как могут они быть нежными, если я не выпускаю из рук мотыгу, – зардевшись, словно мак, смущенно произнесла девушка.

– Я же не говорю, что они мягкие. Но при твоих прикосновениях грубость твоих ладоней не чувствуется, а как это еще назвать, если не нежностью.

Н-да. Пожалуй, не следовало этого говорить. Девушка вскинула головку и посмотрела ему прямо в глаза. Нужно было быть полным тупицей, чтобы не понять всего того, о чем говорил ее взгляд. И уж тем более мелко подрагивающий подбородок. Что-то нужно делать. Причем срочно.

– Лиз, тебе, наверное, пора.

– А?

– Я говорю: тебе, наверное, пора на работу. Не хватало еще вызвать недовольство надсмотрщика. Я себе не прощу, если ты будешь наказана из-за того, что задержалась у моей постели.

– Правда?

Ч-черт. Сколько в одном этом слове было надежды и счастья, вот так сразу и не разберешь. Но то, что его слова буквально окрылили ее, тут никаких сомнений. Нет, она, конечно же, миленькая, и все такое, но он не уверен в том, что... Словом, обижать девушку не хочется, но и обманывать ее также нет желания. И если до этого он уже подумывал... ну, коль скоро она сама к нему льнет... то сейчас решил, что этого не будет. Раны телесные – ерунда, заживут, никуда не денутся. А вот душевные...

– Лиз, тебе пора. Да и мне пришло время браться за работу.

– Но вы еще так слабы, – встрепелась девушка.

– Кто из нас доктор, ты или я? Но я скажу Джеймсу, что мне еще нужен уход и чтобы ты ночевала у меня в хижине.

– Только за этим? – разочарованно протянула она.

– А что еще? – вопросом на вопрос ответил Патрик, понимая всю глупость ситуации.

– Менять перевязки и обрабатывать ваши раны я смогу и ночуя в своей хижине, господин доктор. До свидания, – и девушка направилась к выходу из хижины.

Вот ведь напасть! Ему только любовных историй не хватало. Нет, вопрос вовсе не в том, что она не девица. В конце концов, он взрослый мужчина и понимает, что у рабыни нет никаких шансов остаться невинной. И уж тем более у такой хорошенькой, как Лиз. Опять же, он успел повидать жизнь, чтобы не понимать, что невинность – это вовсе не показатель

добродетели. Но закручивать роман сейчас было по меньшей мере глупо.

Хм. А вот Кларк, в отличие от Шейранова, так не считал. Подумаешь, великое дело, девица решила отблагодарить. В конце концов, есть за что. И потом, он же не предлагает ей лечь в его койку в уплату некоего долга. Она сама этого желает, без какого-либо намека с его стороны. Пришлось его одергивать и вправлять мозги, параллельно не забывая вправлять положение.

– Лиз, погоди, – ухватив ее за руку, окликнул Патрик девушку.

– Что еще, господин доктор?

– Ты сколько времени провела возле моей койки?

– Много, – недовольно и даже чуточку обвиняя, буркнула она.

– Ну и как ты думаешь, способен я сейчас думать о чем-то, кроме перевязок? – Девушка посмотрела на него внимательным взглядом и отрицательно покачала головой. – Ну, вот видишь. Ты и сама все понимаешь. До вечера?

– До вечера, господин доктор. – Мило улыбнувшись, Лиз выпорхнула из хижины.

Н-да. Может, он и не прав, если судить по взметнувшемуся вверх градусу настроения девушки. Очень может быть, что, получив отсрочку сейчас, он усугубляет проблемы в будущем. Ну да возможно, тогда ситуация будет другой. А может, он в итоге найдет эту партию вполне достойной.

Хм. Судя по настрою Патрика, он не находит ее достойной партией. А еще этот оболтус решил обидеться на своего деда. Молодой и здоровый организм в полном расцвете сил требовал своего. А он уже столько времени без женской ласки. Угу. То не до того. То ситуация непонятная. Ну не привык он, чтобы женщины его помогали, да еще столь настойчиво, как случилось после проделки с надсмотрщиками. А когда решил, что греха в том нет, так и вовсе хорошо, что остался жив.

– Шаман, ты позволишь зайти? – вдруг послышался голос чернокожего надсмотрщика Абача.

– Входи.

Циновка, служившая пологом на входе, сдвинулась в сторону, и в хижину вошел здоровенный негр. Старый знакомец, с которым у Патрика вышла ссора в поле с месяц назад. Вот только выглядел он как-то не очень. От былой самоуверенности нет и следа, взгляд все время блуждает по хижине, но только не останавливается на ее хозяине. Руки нервно перебирают бамбуковую палку, словно он не знает, куда ее деть. При этом он еще и постоянно переминается с ноги на ногу, что делает картину еще более комичной.

– Слушаю тебя, Абач.

– Шаман, верни нам мужскую силу.

– А зачем? – не стал отнекиваться Патрик.

– Мужчине без силы нельзя.

– Отчего же. Вы вон уже месяц живете – и ничего, даже

поправились слегка, – «шаман» окинул негра насмешливым взглядом. – Ладно. Я могу вам вернуть мужскую силу. Но у меня есть условие.

– Мы сделаем все, что ты скажешь.

– Надеюсь. Итак, вы больше никогда не возьмете силой ни одну женщину, ни белую, ни черную. Если она сама того захочет, то так тому и быть. Но если я узнаю о насилии, вы все опять лишитесь мужской силы.

– Но если кто-то...

– Нарушит один, ответите все, – не собираясь по этому поводу торговаться, оборвал Патрик.

– Мы сделаем, как ты скажешь, шаман, – решительно тряхнув головой, ответил надсмотрщик.

Патрик подошел к одной из полок и, взяв небольшую склянку, протянул ее негру. Он уже давно ожидал подобного визита, поэтому был готов. Но представитель надсмотрщиков появился только теперь. Возможно, это было связано с плохим состоянием здоровья доктора. Лиз, кстати, говорила, что Абач интересовался его самочувствием. Не иначе – испугался, что вот-вот помрет шаман и некому будет снять проклятье.

– Высыпь щепотку порошка в кружку с водой, размешай и выпей. И так же пусть сделают все остальные надсмотрщики, – пояснил Патрик, а потом внимательно посмотрел на Абача и строго закончил: – Все. Ты меня понял. Иначе лишитесь силы до конца своих дней.

Всего на плантации было десять надсмотрщиков, и все из числа чернокожих, за исключением Джеймса. Однако среди них не было единства. Они были разделены на две неравные группы. Четверо во главе с Абачем, некогда бывшим вождем. Шестеро держались отдельно, нарочито не желая принимать его лидерство.

Патрик безошибочно определил, что Абач решил разыграть карту с противоядием, дабы утвердить свой непреложный авторитет. Вот только Кларку такие игры были ни к чему, потому что могли ударить по нему же. Отчаявшийся человек, и уж тем более мужчина в расцвете сил, внезапно ставший импотентом, способен на все, что угодно. А неожиданности ему сейчас не нужны, и без того из-за полученных ран потеряно слишком много времени.

– Я все понял, шаман. И все сделаю так, как ты сказал.

Абач выбежал на улицу, причем у Патрика не было даже тени сомнений, что надсмотрщик выполнит его условие и противоядие получат все пострадавшие. Правда, и в том, что тот обставит все в выгодном ему свете, доктор также не сомневался. Ну да их интриги его меньше всего волновали. Лишь бы не путались под ногами, а там пусть интригуют сколько влезет.

Навестив старшего надсмотрщика, Патрик отпросился в город. Пора возвращаться к своим обязанностям. Пока он понимал, что нагружать себя чревато, – это одно. Но коль скоро ему полегчало, то затянувшееся безделье его просто

угнетало.

Правда, он проявил некую наглость, попросив в свое распоряжение двуколку. Она нужна была как для поездок в город, так и для путешествий в глубь острова с тем, чтобы можно было привезти сбор лекарственных трав. Он все еще был не в лучшей форме, а мешок с травами весит не так уж мало.

Джеймс, недолго думая, выписал Патрику пропуск и отправил его к управляющему. Потому что лошадь и уж тем более повозка были по его части. Но мистера Эдварда ни в чем не пришлось убеждать. Выслушав довольно справедливые доводы раба, он тут же с ними согласился и даже посоветовал взять пару мешков и набить их сеном, чтобы не перетруждать спину.

Что тут скажешь. Умный мужик. Понимает, что наказание провинившийся уже прочувствовал, и дальнейшее издевательство никакой материальной выгоды не принесет. Опять же, как показала практика, Кларк, несмотря на свое положение, доктор знающий, даже доктор Кук не гнушался учебой у него. Нет, с медиками не любили ссориться ни в какие времена. Впрочем, насчет заслуженности наказания у Патрика имелся вопрос. Но, с другой стороны, жив. Шкура подживает. Ну и ладно.

Дорога в город заняла около часа. И не сказать, что она далась Патрику легко. Двуколку изрядно трясло, что неудивительно при отсутствии рессор. Спасибо управляющему за его совет насчет мешков с травой. И вообще, за то, что поз-

волил пользоваться двуколкой. Поездка верхом точно закончилась бы открывшимися ранами и большой потерей крови.

Это только кажется, что верховая езда — сплошное удовольствие. На самом деле она требует работы большой группы мышц, так что фитнес отдыхает. И мышцы спины задействованы не в последнюю очередь. Посади в седло человека непривычного, и он взвояет уже через пару миль. Ну-у... Может, уже после того, как спрыгнет с седла, через эту самую пару миль. Но взвояет непременно.

Объезд пациентов прошел без эксцессов. Многие из них, следуя его наставлениям, уже поправились, другие были на пути выздоровления. Нашлись и новые пациенты. В многотысячном городе не могут быть все поголовно здоровыми. Услуги докторов Кука и Калхауна по карману далеко не всем. А у Кларка расценки вполне терпимые. Хотя, конечно, платить нужно непременно серебром. Его хозяйка не поймет оплаты гусем, корзинкой свежих яиц или окороком.

Всем было доподлинно известно, как именно капитан «Стремительного» отблагодарил доктора за заботу о раненых моряках. Поэтому практически каждый посчитал своим долгом пройтись по виконту и посочувствовать невинно наказанному. Однако у Патрика сложилось впечатление, что этот энтузиазм вызван больше тем, что фрегата в Карлайлской бухте уже не было. Косвенно на это указывало отсутствие негативных высказываний в отношении миссис Джонсон.

— Здравствуй, Берак, — выбираясь из повозки и кряхтя, как старик, поздоровался Патрик с мужчиной лет тридцати.

Высокий, худощавый, но жилистый, а потому даже на вид крепкий, корабельный плотник вогнал в брус топор и, вытирая руки о парусиновые рабочие штаны, направился к доктору. Этот ирландец тоже был своеобразным рабом Барбадоса. Только законтрактованным. Иными словами, его сначала опутали долгами на родине, после чего отправили сюда отрабатывать эти самые долги, перепродав их местному владельцу дока.

В Бриджтауне, как в любом оживленном порту, хватало работы по ремонту кораблей. Ни одно судно не приходило сюда так, чтобы не нуждаться в ремонте. Разве только небольшие бригантины, владельцы которых занимались торговлей на местном рынке. И в частности, контрабандой в испанские владения, где весьма ценились товары английских и французских мануфактур. Впрочем, и у них не всегда все было слава богу.

Так что работы в доках хватало. Имелась и нужда в квалифицированных рабочих. Моряки зачастую были способны произвести скорый ремонт, чтобы добраться до безопасной и оборудованной гавани. На временных заплатках, которые можно сделать в походных условиях, далеко не уйдешь. Тот же «Стремительный» был поставлен в док для вдумчивого ремонта.

Бераку не повезло, он оказался в числе бедолаг, кото-

рых отправили сюда насильно. Их положение было немногим лучше, чем у рабов. Хотя да, походя убить их не могли. Правда, и наказание за убийство не сказать что будет суровым, если, конечно, это не какой-то бедолага, перебивающийся с хлеба на воду.

Месяц назад с Бераком случилось несчастье. Как такое могло приключиться с опытным плотником, абсолютно непонятно. Но факт остается фактом, указательный палец на левой руке он себе почти отрубил. Патрику, а вернее, Шейранову пришлось применить все свое умение, чтобы срастить ему палец, тот держался практически только на лоскуте кожи.

– Здравствуйте, господин доктор.

– Ты не рано ли взялся за топор? Забыл, о чем я говорил?

– Не забыл. Да только без работы никак. Хоть с голоду подыхай. Вон парни шутят, мол, не маялся бы ерундой, уже давно бы все зажило. А прожить и без одного пальца можно.

– Ну, так и без руки можно. И вообще, без рук и ног все тоже можно. Было бы только кому кормить да дерьмо за тобой выносить. А так – да, ничего страшного.

– Скажете тоже, доктор.

– Еще как скажу. Создатель нам не зря пять пальцев дал, так что ничего в нашем теле лишнего нет. Заруби себе это на носу и передай другим.

– Обязательно, – ослабившись, пообещал Берак.

– Но ты хотя бы выполнял все то, что я тебе назначал?

– Все как есть, доктор. Только бальзам у меня закончился. Но я, как вы и говорили, омывал палец крепким ромом.

– Вот и ладно, – сняв бинт и осматривая палец, примотанный тесемками к пластинам из бамбука, удовлетворенно произнес Патрик. – Ну что же, все просто замечательно. Продолжай посылать в дальние дали всех доброхотов и выполняй мои назначения. Шрам, конечно, останется изрядный, и болеть будет, не без того. Но это ведь только небольшие неудобства. Зато будет чем ковыряться в зубах.

– Это точно.

– Берак, я давно хотел у тебя поинтересоваться, как ты находишь наш славный остров?

– Эту дыру вы называете славным островом?

– Ну, признаться, Бриджтаун даст фору достославному Уэксфорду, где я успел прожить некоторое время перед своим последним морским путешествием.

– Угу. Еще и Корку, где я родился и вырос. Да только мне там дышалось лучше. Одна надежда, что младшие братья сумеют позаботиться о родителях. Я же на себя принял все семейные долги, чтобы избавить их от неприятностей. Да и здесь я почти такой же раб, как вы. Так что остров этот для меня какой угодно, но только не славный.

– То есть, будь на то возможность, ты бы сбежал отсюда?

– Господин доктор, до меня дошли слухи, что вас вроде бы пороли у столба. Неужели молва врет?

– Молва не врет. И именно это дало мне понять, что я все-

го лишь бесправный раб. Госпожа Джонсон велела мне вернуться наизнанку, но спасти всех раненых с того клятого фрегата. И я это сделал, хотя никто и не верил в возможность подобного. И вот как меня отблагодарили.

– Ну, это вроде бы из-за капитана...

– А какая мне разница, Берак?

– Это да. Разница невелика. Так вы хотите?..

– Хочу. Но, как ты понимаешь, без корабля или хотя бы баркаса это, по меньшей мере, невозможно. Ну и помощь мне нужна. Помощь человека, который знает, как все устроено в порту, где стоят баркасы и шлюпки, как их охраняют, на какую посудину стоит обращать внимание, а от какой отмахнуться сразу и бесповоротно.

– Если такого помощника поймают...

– Но ведь он тоже может уйти на той посудине.

– Положим. И что дальше?

– Для начала можно отправиться, скажем, на остров Тобаго. Там находится голландская колония, и они не благоволят англичанам, хотя и являются протестантами. Или же отправиться к испанцам. Эти, конечно, не благоволят никому, кроме своих соотечественников, но думаю, что они все же примут братьев по вере. Французы тоже по большей части католики, но они достаточно близки с англичанами. А потому могут нас выдать.

– Ну, с парусами управится любой, выросший на берегу моря. Но в открытом море этого мало.

– Вот уж в чем нет проблем. Я смогу довести нас до Тобаго, даже не имея секстанта, идя по солнцу и звездам. Я изучал навигацию, когда служил во флоте, и даже мог выдержать экзамен на лейтенанта. Да и с местными водами знаком не понаслышке.

– Да, я помню, вы бывали здесь и даже умудрились ранить покойного господина Джонсона.

– Ну так как? Ты готов помочь мне и присоединиться к моей команде?

– А у вас есть команда?

– Не скажу, что она заслуживает столь громкого имени, но тем не менее у меня имеются единомышленники.

– Хм. Вряд ли в другом месте мне будет хуже, чем здесь. Хорошо, я с вами. Что от меня требуется?

– Я уже сказал. Пока присмотреть парочку достойных баркасов и место, где можно будет прихватить несколько бочонков для воды. Мы наполним их, уже обогнув остров.

– А как же с другими припасами?

– Пусть эти вопросы тебя не волнуют. Продовольствие мы обеспечим. Твоя задача тебе ясна?

– Да.

– И еще. Ты можешь передумать. Тогда тебе достаточно сказать мне об этом. Но если ты меня предашь... Я – единственный среди нас, кто знает навигацию. А значит, без меня побег не удастся. Госпожа Джонсон, конечно, не так жестока, как ее покойный муж, но на плантациях людям при-

ходится куда горше, чем тебе в доках. Так что можешь не сомневаться, наслаждаться плодами предательства тебе придется недолго. Человек, потерявший надежду, способен на страшные поступки, и месть стоит в том же ряду.

– Зачем вы так, господин доктор?

– Прости, если обидел. Но меня слишком часто предавали, так что это всего лишь предосторожность. Тем более, ты можешь не воспринимать ее на свой счет, коль скоро твои помыслы чисты. Просто забудь и иди дальше. Без обид? – Патрик протянул руку, чтобы закрепить их союз.

– Вы меня обидели, господин доктор. Но все же я с вами. И кстати, у меня уже есть на примете парочка отличных баркасов. Признаться, я и сам подумывал о бегстве, только не представлял, как это сделать без знания навигации.

– Вот и замечательно.

– И когда мы бежим?

– Присматривайся ко всему, что я сказал. И работай как ни в чем не бывало. Мне не помешает слегка прийти в себя после перенесенных побоев. Но как только я буду готов, а это, я думаю, будет через пару недель, мы приступим.

– Но вы же свободно ходите и ездите на двуколке. Отчего вы думаете, что не перенесете плаванья?

– Оттого, что если я не выздоровею полностью, то у меня может начаться лихорадка, а тогда уж только одна свобода – на том свете. Предлагаешь поставить на кон свою жизнь за тех, кого я по-настоящему и не знаю?

– Ну да. Это я что-то не подумал. Верно, нет вам смысла рисковать за чужих людей.

– Рисковать, возможно, и есть смысл, друг мой. Но это явно не тот случай. Опять же, нужно хорошенько подготовиться. Так что до встречи.

– Я все понял, господин доктор.

Вот и ладно, что понял. И коль скоро они договорились, то не стоит больше положенного отсвечивать в доках. Тем более забот у Патрика предостаточно. Выздороветь, конечно, важно, но не менее важно подготовиться и в другом плане. Активизировать работу Кевина, подбирающего соратников. Патрик собирался устроить большой побег. А чего бы он тогда подставлялся под плеть этого мясника Джеймса? Так что двумя баркасами явно не обойтись. Но, с другой стороны, об этом незачем распространяться. А вот рекрутировать как можно большее число сторонников точно не помешает.

Следующие две недели прошли под знаменем заговоров и интриг. Это было сделать куда проще, учитывая особое отношение к Патрику чернокожих надсмотрщиков. Они демонстративно не замечали того, что он регулярно посещал поля всякий раз, когда выезжал для сбора трав. Не обращали внимания на то, что он отвлекает рабов какими-то разговорами. Чем, собственно, доктор Кларк и пользовался без зазрения совести.

Все же вести излишние беседы в поселке было чревато. Плетенные из прутьев и тростника хижины – не то место, где

можно разговаривать без опаски. А вот чистое поле, когда ты точно знаешь, что ближе, чем на три десятка шагов, от тебя никого нет, это совсем другое дело.

Впрочем, надсмотрщикам, к чьим подопечным приходил Патрик, жаловаться было не на что и применять к рабам меры воздействия – тоже. Те работали с небывалым энтузиазмом, неизменно выполняя норму к концу рабочего дня. А что еще нужно, если ни старший надсмотрщик, ни управляющий не выказывают своего недовольства.

– Ну что, Кевин, все готово? – усевшись на топчане в своей хижине, встретил вошедшего друга доктор Кларк.

– В лучшем виде, Патрик. Сегодня ужин готовила Мэрин, и она все исполнила как надо. Все чернокожие спят вповалку, из пушки не разбудишь. Чудное зелье ты приготовил, право слово.

– Известия из усадьбы есть?

– Да. Только что прибежала Айне. Вся прислуга спит сладким сном. Говорит, опоить их было совсем нетрудно. Хозяйка и ее дочка спят в своих комнатах, и их, как ты и велел, не опаивали.

– Ну что же. Пока все идет так, как задумано. Поднимай своих парней, и выстраивайте людей на площади. Да смотрите, чтобы никто не сбежал. Если поднимем шум, то беды не миновать. Двоих вместе с Айне отправь в господский дом. Миссис Джонсон взять без ущерба, жестко, но аккуратно. С девочкой вполне справится и Айне.

– Ясно. Я отправлю Антэна и Дарака. Парни смышленные, ловкие. Все сделают как надо.

– Действуй.

К тому моменту Патрик уже зажег жировой светильник. По роду деятельности ему приходилось работать и по ночам: варить отвары, перегонять настойки, получая экстракты. Так что у него в хижине было много такого, чего в других жилищах рабов не сыскать. При неровном свете этого допотопного светильника доктор начал собираться, готовясь к предстоящей ночи, полной волнений и тревог.

Так уж случилось, что он сумел заполучить два десятка ярых сторонников, с горящими сердцами. Эти мужчины были готовы пойти на смерть, драться до последней возможности, рвать всех и вся без тени сомнения и не задавая лишних вопросов. Более того, они сами едва не подняли бунт. Вот только пользы это не принесло бы никакой. Только ненужные смерти.

Однако, несмотря на большое число соратников, у Патрика был лишь один боец. Он сам. А потому и львиная доля тягот сегодняшней ночи должна была лечь на его плечи. Разумеется, ему не успеть везде и не управиться со всем в одиночку. Потому и была потребность в сподвижниках, которыми он и обзавелся.

Когда он, полностью снарядившись, появился на площади, соратники уже выстроили всех рабов, как это бывало во время экзекуций. В принципе, все и полагали, что предсто-

ит очередная экзекуция. Правда, они пребывали в недоумении, отчего это происходит в неурочный час, и не обратили внимания на то, что тут присутствуют только белые рабы. А еще – не видно ни одного надсмотрщика и их начальника, Джеймса. Разве только обратили внимание на то, что командуют тут их же товарищи по рабству, но особо никто не удивлялся. Мало ли что взбрело в голову госпоже.

– Доброй ночи, друзья, – представ перед собравшимися, заговорил Патрик. – Уверен, что эта ночь добрая. Во всяком случае, для тех, кто захочет присоединиться к нам. Мы устали жить в рабстве, и коль скоро освобождения нам не дожидаться до гробовой доски, решили взять судьбу в свои руки. До рассвета осталось примерно двенадцать часов, и за этот срок мы собираемся покинуть остров. Так что времени на раздумья нет. Решать нужно прямо сейчас. Кто хочет вместе с нами покинуть остров?

– И куда мы отправимся? – слышался нерешительный мужской голос.

– Не все ли равно. Туда, где мы будем свободны. Это я вам обещаю.

– А где все негры? – удивился другой.

– Они спят. И проспят еще двенадцать часов. Мы подмешали им в еду сонный настой. Сейчас на плантации не спим только мы. И этим временем нужно воспользоваться.

– А что будет с теми, кто не захочет бежать?

– Ничего не будет. Выпьет кружку воды, проснется завтра

как ни в чем не бывало и будет дальше гнуть спину на гос-пожу Джонсон.

– Вот уж спасибо. А как мы отсюда убежим?

– Очень просто. Мы украдем корабль. Я знаю навигацию и сумею отвезти вас туда, где безопасно. Конечно, можно остаться, и, может быть, вас даже не накажут за наше бегство. Но сколько вы еще проживете? Год? Два? А что потом? Издохнете, как крысы.

– А вы сумеете похитить корабль?

– Ну, я же сумел организовать все это. Так что смогу украсть и корабль.

– Я с вами, господин доктор! – решительно произнес тот самый мужчина, что подал голос первым.

– И я.

– И меня возьмите.

Как предполагал Патрик, желающих остаться в рабстве не нашлось. Да и немудрено при их-то бесправном существовании. Всего на плантации Джонсон числилось сто восемьдесят пять рабов, из них девяносто шесть были ирландцами, из которых тридцать шесть женщины. Сорок один из общего числа рабов были детьми, от младенчества до двенадцати лет. Всего с Патриком уходило сто тридцать семь человек. И это уже было неплохим заделом на будущее, если только удастся вывезти их всех.

– Гобан, ты остаешься за старшего с теми, кто пойдет на другую оконечность острова. Действуй, как договорились,

грузи на повозки продовольствие, твою кузню, и выдвигайтесь. У вас только час. После этого вы должны выдвинуться. За ночь вам нужно пройти более семи миль. Причем последние две без дорог. Мартин укажет путь.

В ответ на это Мартин молча кивнул. С этим сорокалетним мужчиной Патрик вместе пережил переход через океан. И вообще, большинство заговорщиков были из их числа, потому что знали, чего стоит их доктор, и верили ему. Патрик решил заранее озаботиться проводником. Поэтому и брал Мартина с собой в качестве помощника и вместе с ним разведывал путь, по которому предстояло передвигаться беглецам.

– Кевин, нужно будет выделить еще человек пять, чтобы они присмотрели за порядком.

– Уже сделано, Патрик, – поправляя на плече ружье, заверил бывший рыбак.

Они успели разжиться несколькими ружьями и пистолетами в домике старшего надсмотрщика. Оружие хранилось у него на всякий случай. Мало ли что могло случиться, бунты на Барбадосе – явление не такое уж редкое. Все же подавляющее большинство жителей острова рабы. Что же до надсмотрщиков, то до определенной степени в их преданности сомневаться не приходилось. Их положение было куда более завидным, чем у остальных, и даже имелись шансы дожить до старости. Если не расстраивать хозяина.

– Отлично. Тогда позаботься о том, чтобы в город со мной

пошло не меньше двух десятков. Да, желательно, чтобы хотя бы знали, с какой стороны братья за весло. И помощи тут Гобану.

– Ясно.

– Все, я убежал в усадьбу. Время, друзья, время. Потораливаемся. И Кевин!

– Да.

– Вздерни эту свинью Джеймса. Жаль, конечно, что он не прочувствует все и уйдет во сне. Ну да нельзя получить все и сразу.

– Сделаю. Прямо на воротах и подвешу.

– Отличная идея.

В усадьбе он оказался уже через пять минут. Бежал, не щадя сил. Казалось бы, до рассвета еще целая прорва времени. На деле же его катастрофически не хватало. Уж больно много всего он себе отвел. А главное – все могло пойти на-марку при малейшей оплошности или случайности. Именно поэтому Шейранов очень рассчитывал на помощь съёмочной группы. Кстати, Перегудов обещал всяческое содействие. Правда, пока в этом не было необходимости, но это только пока.

– Ну как тут у вас? – войдя в освещенную свечами гостиную, поинтересовался Патрик у находящихся здесь Айне, Антэна и Дарака.

При этом он вовсе не обращал внимания на мечущую из глаз молнии миссис Анну. Н-да. Все же хорошо, что она

неспособна испепелять взглядом, иначе от него сейчас осталась бы горсточка пепла.

– Все в порядке, господин доктор, – довольно ослабившись, ответил Антэн.

– Что с девочкой? – поинтересовался Патрик у девушки.

Айне сидела на диване, держа на руках белокурую дочурку Анны, которую звали Энни. Девочке было только пять, и она была сущим ангелочком. Хм. Наверняка ее мать когда-то была такой же. И выросла из нее хладнокровная деловая стерва. Ладно, он сюда не мстить пришел.

– С ней все в порядке. Я ей дала лимонад со снотворным, которое вы специально отмеряли.

– Ага. Ясно.

Подойдя к девочке, он взял в руки ее запястье, постоял так некоторое время и, убедившись в ровном дыхании, расслабился. Разумеется, он был готов убивать, но только не шагать по трупам младенцев. Оно, конечно, суровый век, жестокие нравы. Но лучше бы уж как-нибудь без этого.

– Миссис Анна, не переживайте. С вашей дочкой все в полном порядке. Она проснется через двенадцать часов бодренькой и здоровой. Я не детоубийца.

– А кто же ты? Бунтарь?

– Я вас умоляю, давайте только без этих банальностей. Бунтарь, преступник. Я тот, кто не желает жить в рабстве, и уж тем более – подохнуть по прихоти даже столь обольстительной особы, как вы. И на этом все. Закончили. От вас мне

нужно только одно: вы укажете нам место, где хранится ваша казна. Времени на препирательства у нас нет, у вас – тоже. Уже через десять минут я хочу покинуть вашу усадьбу, с деньгами или без них. Время сейчас дороже. Пытать вас я не хочу. Поэтому выбирайте: либо вы отдаёте казну, либо я вас прикончу. Не буду лукавить, убью быстро, без мучений. Все же я прекрасно знаю анатомию.

Ох, как бы он хотел избежать этого разговора! Этих гордых аристократов не поймешь. Выиграет спесь, и лучше подохнут, чем подчинятся воле своего раба, который еще пару часов назад дрожал при виде господина.

Конечно, Перегудов мог и так сообщить, где находится казна. Вот только делать этого он не стал. Вообще, надеясь на помощь продюсера, никогда не следовало забывать о том, что она всегда будет своеобразной и далеко не всесторонней. Вот и сейчас Шейранову приходилось блефовать и выглядеть достаточно убедительным, втайне надеясь, что спесь не ударит в голову госпожи Джонсон.

– И что будет со мной после того, как я покажу вам казну? – резонно поинтересовалась миссис Анна, а Патрик мысленно вздохнул, всячески стараясь скрыть охватившее его облегчение.

– Ничего. Вы выпьете стакан воды и приляжете на диван рядом с вашей дочкой. Утром вы вместе откроете глаза. Не поручусь, что произойдет это одновременно. Но вы непременно проснетесь, – пожав плечами, ответил Патрик.

– Хорошо, я покажу, где находится казна, – сверля его ненавидящим взглядом, ответила женщина.

Ничего сверхъестественного, никакого тайника. Просто небольшой подвал с каменными ступенями, стенами и полом. Разве только вход из библиотеки. В углу стоит довольно объемистый сундук, в котором обнаружили серебряные монеты. Изрядно. Серебро перегрузили в нашедшиеся здесь же четыре кожаных мешка, в каждый из которых поместилось около тридцати килограммов драгоценного металла.

– Неплохо. Где-то около тысячи фунтов, – с явным удовольствием заключил Антэн.

– Действительно неплохо. Уходим.

– Но, господин доктор, это не все, – уверенно произнес Дарак. – Здесь только серебро и ни одной золотой монетки. Наверняка есть еще один тайник.

– И что я должен сделать? Пытать ее?

– Но...

– Никаких «но». Будь здесь ее муженек, я даже не сомневался бы. А так – забираем то, что есть, и уходим с гордым видом победителей. Шевелите ногами.

Анну он нашел там же, где оставил. На диване в гостиной, со связанными руками и под присмотром Айне. Девушка отложила в сторону спящую девочку и вооружилась по этому случаю врученным ей пистолетом. Благо оружия в доме хватало. Двое мужчин, связав хозяйку, снесли его в гостиную, приготовив к переправке в поселок рабов.

Конечно, ноша получалась изрядная, но они и это предусмотрели, прихватив от флигеля с прислугой тачку садовника. Вполне достаточно, чтобы с относительной легкостью доставить крупную добычу в поселок, где сейчас вовсю готовился караван.

– Миссис Анна, мы нашли деньги, причем именно там, где вы указали. Иными словами, вы свою часть сделки выполнили. Теперь моя очередь, – говоря это, Патрик отсыпал в стакан какой-то порошок, после чего налил в него воды и, размешав, протянул госпоже Джонсон. – Пейте.

Женщина, которой уже развязали руки, потеряла запястья, явно затекшие от веревок, и посмотрела на своего раба долгим взглядом. Нет, на этот раз в нем не было ненависти. Она пыталась понять, насколько можно ему верить в подобной ситуации.

– Пейте, это не яд. И потом, мне нет надобности вас травить. К примеру, Джеймса мы уже повесили на воротах поселка. Так к чему же нам церемониться с вами. Если бы я хотел вас убить, то уже сделал бы это без дурацкой игры со стаканом воды. Пейте.

Женщина выпила воду, все время глядя в глаза Патрику. Потом, поднявшись на ноги, подошла к дочке, легла рядом с ней и прижала дорогое существо к груди. Вскоре ее глаза заволокла поволока. Какое-то время она еще сопротивлялась, но вскоре зелье сделало свое дело, и миссис Анна погрузилась в сон.

Едва убедившись в том, что она уснула, Патрик направился на выход, не забыв погасить свечи, чтобы, не дай бог, не случился пожар. В дверях он остановился и посмотрел на диван, где мирно спали мать и дочь, освещаемые лунным светом, льющимся через высокое окно. Шевельнулась было мысль о том, что вот сейчас он оставляет за спиной врага.

Но мысль была мимолетной. От нее дружно отмахнулись обе ипостаси этого тела. Кларк не мог себе позволить поднять руку на даму. Умереть, спасая жизнь женщины или заступаясь за ее честь, это да. Но хладнокровно убить... Шейранову доводилось убивать многих. Так уж сложилась его жизнь. Но убивать женщин как-то не случалось, и он надеялся, что сможет избежать этого и впредь.

Поэтому Патрик резко обернулся и вышел на улицу, поспешив вслед ушедшим товарищам. Время стремительно текло, и его оставалось все меньше. А вот сделать предстояло очень много. Заполучить казну, обезопасить тыл на несколько часов и организовать выступление каравана на северо-восточный берег острова – это только начало. Основную фазу предстояло реализовать в порту. И признаться, здесь любая неожиданность могла стать роковой.

До города отряд из двух десятков теперь уже бывших рабов добрался через два часа после начала событий. Ничего сложного при наличии хорошо накатанной дороги и средней скорости пешехода. Патрик намеренно приказал никому из них не брать с собой оружие. Все стреляющее и режущее

осталось в руках отправившихся пересекать остров. В случае, если что-то пойдет не так, этим двум десяткам все одно не отбиться, хотя бы потому, что они не солдаты. Большинство из них никогда не держали в руках не то что огнестрельного оружия, но и холодного. Самое серьезное, что побывало в их руках, – это топор. Так что, случись провал, им предстояло вернуться под плеть надсмотрщика.

Сам Патрик также не стал вооружаться огнестрельным оружием. Просто не было смысла. Если дойдет до стрельбы, то о бегстве можно позабыть. Останется только умереть или все же постараться бежать. Правда, совершенно непонятно, куда. Барбадос небольшой остров, в отличие от той же Ямайки. Так что укрыться здесь практически нереально.

Но это вовсе не означает, что он был безоружным. На его бедрах были закреплены кожаные ножны. В каждой из них – по три метательных ножа, изготовленных Гобаном по рисунку Патрика. Кроме этого, на руках были наручи, в которых находились по три бамбуковых трубки, заряженных отравленными стрелками. На поясе был небольшой подсумок с запасными стрелками. Их наконечники были смазаны концентратом сильнодействующего яда. Пара-тройка секунд, и человек уже не в состоянии ни оказать сопротивление, ни позвать на помощь. Еще полминуты – и наступала смерть в результате остановки дыхания.

В город они вошли с северо-востока, минуя городскую заставу, что сделать не так уж и трудно. Достаточно было сой-

ти с дороги, ведущей в город, и выйти на его окраину прямо через пустырь. Сложность заключалась только в том, чтобы не учуяли собаки с примыкающих чуть не к самому городу плантаций.

Иное дело, что передвигаться столь большой группой было несколько неразумно. Мало ли кто мог обратить внимание на два десятка мужчин, одетых в рванье и пробирающихся по городским улицам. Разумеется, Бриджтаун благонравный городок, и народ тут ложится отдыхать рано, но все может случиться. К тому же чем ближе к порту, тем больше шансов нарваться на какого-нибудь подвыпившего гуляку или добропорядочного горожанина, торопящегося из места неблаговидного под бочок законной супруги. Поэтому Патрик предпочел разделить парней на группы по пять человек и двигаться порознь.

Берака Патрик нашел именно там, где они и договаривались. И хотя беглые рабы не опоздали, мужчина успел изнервничаться, рисуя в своем воображении одну картину ужаснее другой. А тут еще и приглушенные крики гуляк из припортового кабака, где обычно кутили чуть не до рассвета. Вот только Бераку казалось, что каждый выкрик очередного пьяного моряка относится к нему. Так что нервы его были на пределе. Не преминул он помянуть недобрым словом и свою глупость. Подумаешь, ему живется несладко. Всяко лучше, чем рабам на плантации. И чего он, дубина такая, добился? Вот сменит топор на мотыгу, тогда узнает, что от

добра добра не ищут.

Вообще-то он уже был готов бежать без оглядки в свою каморку и не показывать оттуда нос до самого утра. Не спростось. Патрик появился именно в тот момент, когда плотник решительно отстранился от каменной стены двухэтажного дома и сделал первый шаг к своей каморке.

– Ну, как дела, Берак? Не передумал? Чего молчишь? Ясно. Ладно, можешь идти, я силком никого тянуть не буду.

Однако нерешительность, охватившая корабельного плотника, длилась недолго. Всего с пяток ударов сердца. Присутствие Патрика, да еще и не одного, а в сопровождении пятерых загорелых мужчин, пусть и в рванье, но настроенных весьма решительно, перетянуло чашу весов в пользу побега.

– Вы меня не так поняли, господин доктор. Я с вами. Просто... Я уже довольно долго вас жду, и уже решил...

– Глупости ты решил. Как видишь, все в порядке, и мы – вовремя.

– А где остальные?

– Еще одна группа пошла по другой улице. Вторая часть пойдет с получасовым отрывом, чтобы не привлекать лишнего внимания. Ну что, если готов, пошли. Помнишь нашу первую цель?

– Да, конечно. Портовый патруль. Они как раз вышли из кабачка и начали очередной обход. Я присмотрел место, как вы и просили.

– Вот и ладно, веди.

Вообще-то задуманное им было на грани безумия. В оди-ночку атаковать патруль из четырех солдат и капрала – это нужно иметь ну очень большое, а главное – больное само-мнение. Но, с другой стороны, этот патруль мог не вовремя заметить манипуляции беглецов у лодочной пристани. Нет, сами лодки не охранялись. К чему? Если найдется какой сумасшедший, чтобы бежать на небольшой лодке, милости просим. Но у той же пристани стояли и баркасы, а вот это уж куда серьезнее, поэтому там выставлялся часовой. И марш-рут портового патруля пролегал через этот пост.

Так что патруль нужно было убрать. Тут без вариантов. Но только собственными силами, потому что из его сообщников диверсанты, как из свиньи балерина. К гадалке не ходи, они поднимут такой шум, что перебудят весь квартал. Да еще и наверняка будут при этом кричать. А то как же. Надо же себя подбодрить и накачать адреналином и решительностью. Ну не бойцы они. Пока не бойцы.

Вообще-то Патрик больше полагался на сведения, поступающие от Перегудова. У него сейчас горячая пора, поэтому он на боевом посту и лично руководит сценой. Впрочем, это не совсем верно. С Патриком сейчас беседует начальник службы безопасности Зайцев. Семен с этим делом управится куда как лучше.

Опять же, если что, сумеет дать дельный совет. Правда, пока советов никаких нет, понимает, что Шейранова учить –

только портить. А вот на цель вывел грамотно, через какую-то глухую подворотню. В принципе, сцена с Бераком была рассчитана больше на зрителя. Доверяться ему, а по сути – случаю, в этом деле Сергей Федорович не хотел категорически. Нет, будь на месте Патрика какая сволочь, да хоть тот же Джеймс, и он бы колебался куда меньше. Но этот великовозрастный романтик ему уже стал близок. А потому и риск хотелось свести к минимуму.

Он выглянул из-за угла подворотни. Вот они. Только что прошли мимо него, затаившегося в непроглядной тени закоулка. Идут двумя парами, капрал во главе. До них не так уж и далеко, всего-то несколько шагов. И тянуть дальше нет никакой возможности. Выйдя на мощеную мостовую, Патрик, словно тень, заскользил вперед, поминая добрым словом охотника Дарака, который не только время от времени ловил силками кроликов, но и сделал из их шкурок обувь. Вывернутая наружу мягкая шерсть отлично скрадывала шаги.

Настигнув идущую последней пару, Патрик точно и расчетливо нанес удар обеими руками, в которых были зажаты два метательных ножа, с широкими листовидными лезвиями. Клинки достигли цели, развалив солдатам почки. Парни не могли даже вскрикнуть, только болезненно пискнули и тут же начали заваливаться по сторонам. Этому способствовал Патрик, отталкивая раненых в стороны от себя, освобождая проход и одновременно сильно проворачивая лезвия в

ранах.

Идущие впереди солдаты не могли не услышать неладное и резко обернулись. Правда, предпринять что-либо уже не успели. Ножи без труда покинули мягкие ткани, и тут же солдат, находившийся слева, получил удар снизу вверх, точно в печень. Второй все же попытался сдернуть с плеча ружье, но особенно в этом не преуспел, разве только Патрику пришлось перенаправить свой удар и вонзить клинок в грудь противника.

Капрал к тому моменту уже обернулся и готов был поднять тревогу. Но, как видно, все же растерялся, уж больно стремительным и смертоносным оказался неизвестный противник. А может, и нечистый. Кто знает, о чем в тот момент думал капрал. Но секунда промедления, которую он допустил, оказалась как нельзя кстати для Патрика.

Сделав стремительный шаг к последнему противнику и оставляя в груди солдата один из клинков, он с ходу нанес сильный удар ногой в грудь капрала, вышибая из него дух и опрокидывая на мостовую. Еще пара стремительных шагов, колено рухнуло всем весом тела на грудь упавшего, вытесняя из легких остатки воздуха, а левая рука с зажатым в ней ножом ударила по горлу, тут же начавшему фонтанировать черной в лунном свете кровью.

Обойти еще раз всех раненых, произвести контроль. Порядок. Ч-черт. Он, конечно, тренировался несколько часов, но все же сам от себя не ожидал, что может действовать столь

стремительно, четко и смертоносно. А уж как впечатлились его спутники, наблюдавшие за происходящим из переулка!

– Да-а, господин доктор, вы были правы, вам лучше не мешать, – восхищенно выдохнул Дарак. – Оно мы вроде на тренировке видели, но то, что было здесь! Хорошо хоть полная луна. Это нужно видеть и вовек не забыть.

– Много говоришь, дружище. Хватайте тела и волоките в подворотню. Оружие заберите, но чтобы даже не думали его использовать.

Следующим на очереди был часовой у причала с баркасами. И к нему подобраться так просто не получится. Набережная довольно широкая, метров десять, никак не меньше. Выбрать момент и наскочить на него, как на патруль, не удастся. Если бы он дремал, другое дело. Но нет, несет службу бодро.

Патрик потянул из наручи одну из духовых трубок. Доктор Кларк, как это уже бывало не раз, буквально встал на дыбы от возмущения. Это нечестно! Это убийство из-за угла! Там, с патрулем все было по-честному, мастерство и скорость против превосходящего числом противника. Даже если бы против одного, там была честная сталь. А здесь? Яд! Несмываемый позор!

Однако Шейранов без зазрения совести отодвинул сознание своего подопечного в сторону, не задвигая окончательно. Нечего. Мало ему рабства, все продолжает играть в благородство, когда же наконец мозги заработают? Вот пусть

смотрит и понимает, что это не только его дед сейчас оруду-ет, но и он тоже. И вообще, на войне все методы хороши. А он сейчас на войне, и никаких гвоздей!

Стрелка улетела в сторону часового под аккомпанемент негромкого плевка. Ф-фух! И солдат, шлепнув себя по шее, с явным недовольством выразился по поводу разных насеко-мых, от которых добрым христианам жизни нет. Но потом вдруг с недоумением посмотрел на странного вида стрелку с кисточкой из волос вместо стабилизатора. А вот предпри-нять что-либо он уже не смог, вдруг запнувшись и неуклюже опустившись на пятую точку, словно в одиночку приговорил целую бутылку крепкого рома.

– Которые? – подбежав к причалу, поинтересовался Пат-рик.

– Вот этот и вон тот, – указал на нужные баркасы Берак.

– Лодки?

– Вон те, две с краю. Если нужны еще...

– Хорошего понемногу, – наблюдая за тем, как подтяги-ваются остальные беглые рабы, остановил Патрик разошед-шегося Берака. – Кевин, занимайте эти два баркаса и те две лодки, ложитесь и не отсвечивайте. Одного поставь здесь, дай ружье в руки, пусть прохаживается, как часовой. Едва подам сигнал, двигайте вон к той бригадине.

– Ясно, – кивая, словно конь на водопое, ответил Кевин.

– А пока суд да дело, Берак покажет, где есть бочонки, в которые можно будет набрать воду.

– Погодите, господин доктор, а разве мы будем уходить не на баркасах?

– Извини, дружище, но баркасов нам будет маловато. Компания разрослась до неприличных размеров. Так вышло.

– Так вот зачем вы сегодня спрашивали мое мнение об этой бригантине. Но как вы собираетесь захватить целый корабль?

– Запомни, Берак, каждый должен заниматься своим делом. Тогда будет полный порядок во всем. Твоя задача – подобрать нужные лодки, баркасы, судно и позаботиться о емкостях для воды. Вот этим вопросом ты сейчас и займешься. Остальное – не твоего ума дело. Все, Кевин, работаем.

Говоря все это, Патрик скинул с себя одежду, оставшись только в набедренной повязке, которую сам же и соорудил. Ну и пояс с его снаряжением вновь занял свое место. Простенький, кустарной выделки кузнеца Гобана, но довольно удобный. Все подогнано так, чтобы не болталось и не мешало. Последний штрих – восполнить стрелу в духовой трубке. Чтобы, так сказать, быть во всеоружии.

На мысль насчет кражи бригантины его натолкнуло поведение моряков, бросавших якорь в Карлайлской бухте после длительного плавания. Конечно, бригантина – не большой корабль, и на переход из Европы ей требуется меньшее время, но все же отдай океану месяц и не греши. Хм. Вот как раз на грехи морячков и тянет в первую очередь. В первый день никто даже не думает о делах. Все заканчивается приемом

таможенного чиновника. После чего команда во главе с капитаном сбегает на берег пьянствовать и предаваться плотским утехам.

А на борту обычно остается один вахтенный матрос. Как правило, из числа провинившихся в ходе плавания. Ему ни рому попить, ни девок пощупать не полагается. Что и говорить, незавидная доля. Ну да кто же виноват, что парень умудрился чем-то не угодить капитану перед самым прибытием в порт. Впрочем, в любом случае кого-то на эту вахту определять нужно, так что козел отпущения всегда найдется.

Отчего оставляют одного? А сколько оставлять-то? Команда такой бригантины редко когда бывает больше десятка человек. Конечно, таким числом от пиратов, случись они на пути, отбиться практически нереально. Но, во-первых, пираты – они разные бывают. Случаются и такие, что ходят на баркасах, числом не больше десятка. Основная масса предпочитает вот такие же бригантины или шлюпы, и команды на них числом от трех десятков до ста человек. Во-вторых, лучше вообще не ввязываться в бой, а убегать во все лопатки, благо посудина эта быстроходная.

Правда, была еще одна причина, по которой Патрик предпочел захватить судно, только что прибывшее из Европы. Оно ведь и в другие дни на кораблях не больно-то много народу. За один день моряку пар никак не спустить. Вот только трюм новичка все еще полон европейскими товарами, которые мало того, что дороги в колониях, так еще и крайне

необходимы для вновь создаваемой колонии. А Патрик ни много ни мало собирался устроить собственную колонию, и такой приз был бы как нельзя кстати.

До бригадины было около двухсот ярдов. В принципе, не так уж далеко для человека, умеющего плавать. А Патрик плавать умел. Да и Сергей Федорович смог это умение неплохо развить. Опять же, с выносливостью у этого тела, не испорченного цивилизацией, было все в порядке. Единственное, что не давало покоя доктору Кларку, так это четкое осознание того, что сейчас ему вновь придется поступиться правилами чести и взяться за позорное оружие, с отравленными стрелами.

До судна Патрик добрался довольно быстро и совершенно бесшумно. Неудивительно, что вахтенный матрос его безбожно проворонил. Диверсант беспрепятственно подобрался к борту и, воспользовавшись набитыми на него планками, как по лесенке, взобрался на борт.

Матрос обнаружился практически сразу. Он устроился на баке, оседлав кабестан, служивший для подъема якорей. Как видно, вахтенный сильно горевал по поводу того, что увольнительная на берег прошла мимо него. При виде дремлющего Кларк вновь попытался протестовать, настаивая на честной стали. Но был послан в далекое путешествие. Вовсе не факт, что он сейчас на судне один, а на карту поставлено слишком много. Поэтому матрос получил свою отравленную стрелку.

Обследование судна показало, что на нем больше никого нет. Вообще-то Шейранова размеры кораблика как-то не впечатлили. В длину метров тридцать, может, чуть меньше, а в ширину не больше шести. Борт возвышался над поверхностью моря метра на два. Водоизмещение тонн сто двадцать. Ну и грузоподъемность у него, наверное, тонн сорок, в лучшем случае. Небольшой парусник, чего уж там.

Но опять же, это как посмотреть. К примеру, сорок тонн сахара, доставленные в Европу, дойдя до покупателя, будут стоить порядка пяти тысяч фунтов и могут принести капитану чистой прибыли около трех сотен фунтов. Прибавьте сюда его прибыль с товаров, доставленных на Барбадос, и получится не так уж плохо, даже с учетом жалования команды. Впрочем, если бы использование столь небольшого судна было бы невыгодным, то они бы и не бегали по волнам между Европой и Америкой. Опять же, при их скорости за год можно сделать пару рейсов.

Кстати, вооружение бригантины представлено двумя трехфунтовыми пушками. Закреплены обе по бортам, но похоже, что по мере необходимости их можно перемещать по палубе для занятия нужной позиции, кольца под орудийные канаты обеих пушек есть и на корме (ютовая надстройка отсутствует), и с бортов. А вообще, боевые действия в планы капитана явно не входили. Скорее всего, надеялся именно на скорость суденышка.

Убедившись в том, что бригантина зачищена, Патрик из-

влек из промасленного кожаного мешочка огниво и трижды высек искру. Сигналить огнем или подать знак звуком – идея не из лучших. Все же, что ни говори, но на рейде стоит с десятков разнокалиберных судов, и на каждом имеется дежурная вахта. Есть и форт, с его часовыми, до которого так же, как до пристани с баркасами, порядка двух сотен ярдов. Словом, привлечь к себе внимание – проще простого. А так – ну высекает вахтенный искру из огнива, может, ему закурить страсть как захотелось.

Баркасы и лодки отчалили от берега, совершенно не таясь. Просто нет смысла, потому что бухта залита лунным светом, и как ты ни скрывайся, все одно будешь на виду. А так, глядишь, решат, что кто-то проворачивает свои контрабандистские делишки. Явление вовсе не редкое в здешних местах, и полуофициальное. В смысле, официальная власть все прекрасно знает, свою долю имеет, но в то же время ничего не замечает и пребывает в полном неведении. Тут главное – не нагнать и соблюдать определенные правила.

– Как дела, Кевин?

– Порядок, господин доктор. Тихо, как на кладбище. А у вас?

– Нормально. Был только вахтенный матрос, да и тот спал. Значит, так, судно стоит удачно, разворачивать не нужно. Разве только помочь гребцами на баркасе.

– Я все помню. Для того и брали столько народу. Паруса поставить и пары лодырей хватило бы.

– Управишься? Все-таки не рыбацкая лодка. Опять же, ночь.

– И я управлюсь, и парни не подведут, не сомневайтесь. Даже если бы вы захотели угнать фрегат, мы не сплеховали бы.

– Что же, это радует. Тогда дождитесь взрыва и начинайте.

– А если?..

– Если что-нибудь случится, вы все услышите. Без пальбы им меня не взять. А тогда ставьте все паруса, сажай в баркас гребцов, и валите отсюда во все лопатки. Осадка у брига-тины небольшая, так что особой надобности в лоцмане нет. Вон, Берака попытай, как тут держат курс отходящие корабли, он их уже сотни проводил в открытое море, – кивнув в сторону поднявшегося на борт корабельного плотника, закончил Патрик.

– Покажу, дело нехитрое, – тут же отозвался мужчина, не в состоянии скрыть волнение.

Впрочем, волновались сейчас все. И Патрик, кстати, совсем даже не исключение, хотя на него и смотрели, как на какого-то кумира. Ну да. Сколько он за сегодня уже наворотил. И сейчас без тени страха и сомнения готов вновь шагнуть за борт корабля. Знали бы они, как ему сейчас страшно. Причем не одному, а обоим сразу. Даже когда бросался в одиночку на патруль, так не боялся.

– Да, Кевин. Смотри не вздумай зажигать фонарь, если взрыва не последует, – уже спускаясь в воду, предупредил

Патрик.

– А как же ты нас найдешь? Вдруг получится сбежать? – встрепенулся рыбак.

– Если меня обнаружат, но я все же сумею уйти, то отправлюсь догонять нашу колонну, и заберете меня на том берегу.

– Ясно.

– Вот и хорошо, что ясно. Я пошел.

– Удачи, Патрик.

– Угу. К черту!

– Что?

– Так. Ничего, – осознав, что ответил на русском, отмахнулся Патрик.

Потом оттолкнулся от борта и поплыл в сторону берега, где на некотором возвышении стоял форт. На Барбадосе вообще с возвышениями и уж тем более с горами как-то не задалось. Довольно пологий островок, сразу видно – не вулканического происхождения.

До берега добрался без проблем. Опасался, конечно, что его могут обнаружить часовые. Однако, сколько ни вглядывался в стены, так и не заметил ни одного, хотя луна удачно подсвечивала. Либо дрыхнут, либо все их внимание сосредоточено в другом направлении. В принципе, есть отчего расслабиться. Нападений тут не случалось уже очень давно.

Опять же, буквально пару дней назад остров покинул отряд под предводительством некоего капера Тобиаса Бридже-

са². Во главе шести судов, с шестью сотнями головорезов на борту он отправился для разграбления голландской колонии на Тобаго. И после рейда наверняка завернет сюда, для починки. Правда, добычу, скорее всего, тут сбывать не будет, а повезет ее на Ямайку. Барбадосские купцы не любят иметь дела с каперами и пиратами.

Словом, при наличии в округе столь ощутимой силы никто заирать английскую колонию не станет. А вести здесь разносятся достаточно быстро, не смотри что неторопливый век паруса и гужевой повозки. Потому и часовым лишний повод расслабиться.

На стену забираться не пришлось. Обошелся тем, что забрался в пушечную амбразуру с выставленным чугунным стволом. Вообще, форты англичан, голландцев и французов не шли ни в какое сравнение с фортификационными сооружениями испанцев. Те выглядели настолько же величественно, насколько и неприступно. Впрочем, только и того, что выглядели. Враг не так уж редко захватывал и города, и форты испанцев, сея смерть и разрушения.

Часового он нашел у входа в пороховой погреб. Солдатик бессовестно нарушал устав гарнизонной и караульной службы. Конечно, тут такового пока не было, но определенные правила все же существовали. А уж сон на посту запрещен издревле. Плевков отравленной стрелкой. Англичанин даже

² Колония на Тобаго не оказала сопротивления Бриджесу и была полностью разграблена, правда, без кровопролития.

подскочил от неожиданности, заполучив укол. Но уже через несколько секунд сполз по стене и завалился на бок.

Хм. На этот раз Патрик обошелся без бунта и вполне спокойно прореагировал на то, что дед пустил в ход бесчестное оружие. Либо наконец дошло, что на войне все способы хороши. Либо, как человек разумный, решил не тратить попусту душевные силы, потому что дед, когда того хотел, обладал полной властью над его телом.

Патрику несколько раз довелось побывать в форте. После его успешного дебюта в деле лечения матросов со «Стремительного» комендант решил, что этому рабу можно доверить здоровье его подчиненных. Ну и, разумеется, Патрик не особо торопился с излечением этих пациентов, успев неплохо изучить охрану форта и его планировку.

Прежде чем отправиться в пороховой погреб, он разыскал еще двоих часовых. Ведь ему предстояло пересечь форт, а затем и мыс, на котором тот находился, чтобы отправиться вплавь к бригантине. Эти не спали, мирно прохаживаясь на своих участках. Впрочем, то, что они добросовестно несли службу, им не помогло.

Обеспечив себе отход, Патрик спустился в пороховой погреб и после недолгой борьбы с огромным амбарным замком одолел его.

Трясаясь, словно осиновый лист, установил на одном из бочонков с порохом горящую свечу. А что делать? Лестницу хоть как-то освещает луна, а вот в погребе, будто у негра...

Ну, понятно в общем. Опрокинул другой бочонок и, вынув пробку, высыпал горку черного зернистого порошка на земляной пол. К этой же горке и приставил вскрытый бочонок. После этого вооружился другим и двинулся на выход, отсыпая дорожку. Пороха уходило безбожно много, поскольку для обеспечения непрерывности на ступеньках приходилось насыпать целые горки. Поэтому на одну только лестницу у него ушло два бочонка.

Наконец, выбравшись наружу, он отсыпал дорожку длиной метров в тридцать. Потом пришло осознание, что понятия не имеет, как будет гореть подобный замедлитель. То ли побежит огонек, то ли полыхнет разом в считанные доли секунды. Постарался припомнить то, как горела подобная дорожка. Понял, что кино – это только кино. Запросил Зайцева. Молчит, как Зоя Космодемьянская на допросе. Плюнул на все и побежал за следующим бочонком. Разумеется, лучше бы не выеживаться с беготней по двору форта. Но, с другой стороны, и успеть сбежать не мешало бы.

С помощью очередного бочонка добрался напрямик до противоположной стены форта и решил, что теперь-то ему достанет времени на бегство. Опустился на колено, чиркнул огнивом.

– Эй, ты что тут делаешь?!

Разбираться, кто именно его обнаружил, Патрик не стал. Уж больно весело, разбрызгивая искры во все стороны и поднимая клубы молочно-белого дыма, побежал огонь по чер-

ной дорожке. Бог весть за сколько он доберется до погребца. А пороху там изрядно. Рванет так, что... Хоть бы бригаанти-не не досталось. Ну и ему грешному.

Эта мысль пронеслась в голове Патрика, когда он бежал по густой траве, покрывающей возвышенность, на которой разместился форт. Деревья здесь отсутствовали, так что он был весь как на ладони. И если обнаруживший его решит послать вдогонку свинцовый привет...

Ни оглядываться, ни задаваться вопросом – не целится ли в него кто сейчас, Патрик не собирался. В его голове пылала только одна мысль. Или даже только одно слово. Быстрее! Быстрее! Быстрее!

Рвануло, когда он уже успел отбежать на добрую сотню метров. Причем взрыв вышел такой силы, что земля под ногами буквально подпрыгнула, едва не уронив его на землю. Впрочем, он особо сопротивляться этому не стал, тут же растянувшись на животе и проехавшись по траве несколько метров. Руки сами собой накрыли затылок...

Хуже нет, чем ждать и догонять. Осколки известняка и кирпичей, обломки дерева и еще много чего падало вокруг Патрика в изобилии. Что-то увесистое прилетело точно между лопаток, выбив из него дух. Боль была такой, что он даже подумал о возможном переломе позвоночника. На фоне этого разбитая кисть правой руки, прикрывшей-таки затылок, и рассаженные в кровь икроножная мышца правой ноги и бедро левой выглядели как-то несерьезно.

Он медленно поднялся и сел прямо в траве. С трудом сделал несколько вдохов и выдохов, стараясь понять, насколько серьезно пострадала спина. Похоже, ушиб. Это не страшно. Хотя болеть может и до двух месяцев. Луна светит ярко, так что видно все достаточно хорошо. Рука. Нормально. Ноги. Вены не повреждены, раны и не раны, а так, скорее царапины. Хотя синяки, конечно же, будут знатные, и пускай встать на ноги сейчас больно, по прошествии времени все будет в порядке.

Взглянул в сторону форта. Скорее уж бывшего форта. Даже несмотря на устойчивый бриз, на его месте клубится дым, смешанный с клубами пыли. О том, что могло произойти с ним самим при малейшем неосторожном обращении со свечой, даже думать не хотелось. Да его бы разорвало на атомы. Хотя, с другой стороны, в этом случае у него уж точно ничего не болело бы.

Проклинаая прилетевшие ему гостинцы на все лады и прихрамывая на обе ноги, Патрик побежал к виднеющемуся в какой-то сотне шагов прибою. Ч-черт! А ведь еще нужно проплыть не меньше трех сотен ярдов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.